

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт социального образования
Факультет международных отношений и социально-гуманитарных коммуникаций
Кафедра рекламы и связей с общественностью**

**«Мягкая сила» как инструмент внешней политики США в конце XX –
начале XXI в.в.**

ОП ВО «41.03.05 – Международные отношения»

Выпускная квалификационная работа

Выпускная квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой рекламы и связей с
общественностью

Исполнитель:
Долгих Богдан Витальевич,
студент 407 группы
очного отделения

_____
дата

_____
подпись

_____
дата

_____
А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Руководитель ОПОП:

_____
А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Научный руководитель:
Шистеров Максим Валерьевич,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей истории

_____
дата

_____
подпись

Екатеринбург 2016 г.

Оглавление

	с
Введение.....	3
Глава 1.«Мягкая сила» как теоритический и исторический феномен....	7
1.1 Теоретические основания концепции «Мягкой силы»	7
1.2 «Мягкая сила» на практике: исторический аспект	14
1.3 Политика мультикультурализма как ресурс «мягкой силы»	23
Глава 2. Технологии применения «мягкой силы» во внешней политике США в начале XXI века.....	39
2.1 Филантропические фонды и спонсорские организации как инструмент «мягкой силы»	39
2.2 Публичная дипломатия США как инструмент внешней политики.....	49
2.3 Информационные технологии в контексте применения «мягкой силы»..	61
2.4 Аналитический прогноз применения «Мягкой силы» во внешней политике США на период 2016 - 2020 гг.....	71
Заключение	84
Список использованных источников и литературы.....	86
Приложения.....	93

Введение

Несмотря на видимую прагматику современной международной повестки дня, акцентированной, как и прежде, на использовании государствами военной силы в качестве объективно приоритетного средства обеспечения собственной национальной безопасности, в мировой политике заметно возрастает роль гибких факторов, усиливается влияние «мягких» инструментов воздействия на систему международных отношений.

Сформулированный американским политологом Джозефом Наем постулат о значимости и эффективности «мягкой мощи» во внешней политике государств становится все более актуальным, что в том числе это доказывают последствия политики предыдущей американской администрации, основанной главным образом на военной силе.

По словам Джозефа Ная, «мягкая сила – это понуждение других хотеть результатов, которые вы хотели бы получить» [Най Дж., 2006, с. 44].

«Мягкая сила» – больше, чем просто убеждение, уговаривание или способность подвигнуть сделать что-либо при помощи аргументов, хотя все это является важными элементами этой силы. «Мягкая сила» – это также способность привлекать, и привлечение часто ведет к взаимопониманию. В поведенческих понятиях, «мягкая сила» – это привлекательная сила.

Джозеф Най разделяет мощь государства на две крупных составляющих: «жесткую силу» («hard power») и «мягкую силу» («soft power»). Под «жесткой силой» подразумевается совокупная политическая, экономическая и финансовая мощь, а «мягкая сила» в основном характеризуется культурой и политической системой [Най Дж., 2006, с. 46]

Актуальность данной работы заключается в непрерывной положительной динамике использования концепции «мягкой силы» и её возрастающей роли во внешней политике как отдельных государств, так и в целом на международной арене. Соединённые Штаты Америки являются одним из первых государств, которое осознало положительный эффект, от

недооцененной ранее концепции «мягкой силы», и сделало её применение одним из важнейших аспектов своей внешней политики. В связи с чем, возрастает и актуальность исследования данной концепции а также актуальность аналитических прогнозов связанных с её применением.

Источниковой базой исследования является широкий круг разнообразных видов и категорий источников: статьи, учебники, монографии, записи публичных выступлений, а так же материалы взятые с официальных государственных интернет – ресурсов США.

Данное исследование рассматривает роль концепции «мягкой силы» во внешней политики США в исторических рамках конца XX – начале XXI века.

Работа представляется актуальной в территориальных рамках Соединённых Штатов Америки и странах, представляющих интерес в зоне влияния внешней политики США.

Степень изученности темы. В процессе работы были изучены труды зарубежных и российских политических деятелей, их речи и статьи: Эдвард Карр, Джин Шарп, Фрэнсис Фукуяма, Джозеф Най, Почепцов Г. Г. Понаморева Г. Е. Больше внимание уделялось нормативно-правовым документам: Стратегия национальной безопасности США, где четко прослеживается положительная динамика в применении изучаемой концепции.

С целью комплексного изучения и анализа функционирования внешнеполитического механизма США в упомянутой сфере данная работа строится на двух направлениях исследования: рассмотрение теоритического и исторического аспекта, и существующих на данный момент методах и приемах применения «мягкой силы».

Объектом данного исследования является концепция «мягкой силы», как инструмент внешней политики Соединённых Штатов Америки. Предметом исследования являются перспективы применения концепции «мягкой силы» во внешней политике США».

Целью данной работы является рассмотрение и анализ феномена «мягкой силы» во внешней политике Соединённых Штатов Америки в конце XX, начале XXI века. В соответствии с данной целью были поставлены следующие задачи:

1. Дать определение понятию «мягкая сила», рассмотреть его варианты и возможные формы проявления.
2. Рассмотреть исторический аспект явлений, входящих в понятие «мягкая сила».
3. Рассмотреть публичную дипломатию США в контексте понятия «мягкая сила».
4. Рассмотреть и проанализировать инновационные методы и роль информационных технологий в контексте «мягкой силы».
5. На основе государственной стратегии национальной безопасности и предвыборной программы кандидатов на пост президента Соединённых Штатов Америки сделать прогноз и выявить возможные проявления «мягкой силы» во внешней политике США в ближайшие 5 лет.

Методы исследования определяются целями и задачами данной работы. К эмпирическим методам относятся мониторинг СМК и Интернет - порталов по теме работы, метод контекстуального анализа, теоретического анализа, ситуационного анализа, метод прогнозирования. К теоретическим - описательный метод, метод культурологической интерпретации, сравнительно-исторический анализ.

Данная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. В первой главе рассматриваются теоретические выкладки о явлениях, входящих в понятие «мягкая сила», а так же описана динамика проявления данного понятия в исторической перспективе. Во второй главе обозначены новые ориентиры, механизмы и методы, определена роль информационных технологий, виды и способы применения инновационных приемов «мягкой силы». А так же на основе выдержек из официальной стратегии национальной безопасности и политических

программ кандидатов на пост президента США выполнен ситуационный анализ вероятных проявлений «мягкого воздействия» в ближайшие пять лет.

Глава 1. «Мягкая сила» как теоритический и исторический феномен

1.1 Теоретические основания концепции «Мягкой силы»

Окончание «холодной войны» ознаменовало торжество либеральной демократии и одновременно привело к смене упорядоченной биполярной системы на анархию в международной среде и новый этап в конкуренции государств за сферы влияния. Усиливается борьба за рынки и ресурсы, новые растущие державы бросают вызов традиционным мировым лидерам, державы всех рангов ищут ответы на новые трансграничные вызовы и угрозы, проявившиеся в конце XX – начале XXI в. Вместе с тем древнейший инструмент внешней политики – война и угроза применения силы – сегодня используется реже, чем раньше. Разумеется, военная сила остается важнейшим фактором международных отношений, но она более не является главным и единственным методом реализации внешнеполитических интересов.

Во-первых, существенную сдерживающую роль играет наличие у нескольких государств мира ядерного оружия, что делает применение против них военной силы практически невозможным. Во-вторых, произошла определенная гуманизация международных отношений, из-за чего использование военной силы уже не рассматривается как обыденный способ ведения внешнеполитических дел. В-третьих, усилилась экономическая взаимозависимость государств, поэтому силовые методы решения споров уже не могут рассматриваться как единственное и наиболее эффективное средство достижения целей. В-четвертых, вместе с ростом взаимозависимости все более важную роль стали играть новые структурные элементы силы – не только безопасность, но и производство, финансы, знания [Почепцов Г, 2005, с. 36].

Существенное влияние на поведение стран на мировой арене оказали итоги «холодной войны». Большинство политиков и экспертов увидели в них

не столько военно-экономическую победу Запада над СССР, сколько победу идеи политической демократии и личной свободы над идеями, оформившими советское общество и экономику, т.е. победу западной модели над советской. Механизм реализации преимущества западной модели заключался в том, что она завоевывала сердца все большего количества людей в мире, в то время как советская, напротив, теряла свою популярность.

До какого-то момента такая форма борьбы в международных отношениях интерпретировалась в отечественном дискурсе как идеологическая. Безусловно, идеология, наряду с внешнеполитической пропагандой, составляла значительную, если не основную часть «холодной войны». Вместе с тем распад Советского Союза продемонстрировал, что противостояние идеологий после 1990 г. отошло в прошлое, а «пропагандистские», как они тогда характеризовались, инструменты внешней политики – пропаганда идей демократии, свободы, рыночной экономики – по-прежнему продолжали использоваться США и, в меньшей степени, европейцами в своей международной деятельности. Перед США уже не стояла задача борьбы с советской идеологией, но сформированный ими имидж борца за свободу и справедливость, так же как и образ ведущей военной державы, экономического и технологического лидера, много раз помогал США собирать международные коалиции, укреплять свои позиции в других регионах мира, формировать мировую повестку дня, реализовывать лидерство во многих мировых делах [Согрин В., 2001, с. 44].

Сила образов и идей генерируемых США, сыграла и продолжает играть существенную роль в реализации американских интересов на постсоветском пространстве. «Оранжевую революцию» 2004 г. в Киеве и «революцию роз» в Тбилиси в 2003 г., «тюльпановую революцию» 2005 года в Бишкеке и Евромайдан 2014 г. в Киеве невозможно себе представить без учета внешнего идейного и политического влияния [Караганов В., 2014, с. 90].

В широкое научное употребление термин «мягкая сила» ввел американский ученый Дж. Най в начале 1990-х годов после падения

Берлинской стены, когда советская идеология потеряла свою привлекательность и конкурентоспособность. Собственно силу, которая в науке о международных отношениях традиционно представляла собой весьма абстрактную и трудно поддающуюся исчислению переменную, Дж. Най определил как «возможность делать что-либо и контролировать других, или принуждать их делать то, что без принуждения они бы не сделали» [Nye, 1990, р. 89]. А поскольку задача «контролировать и принуждать» предполагает обладание специфическими ресурсами – армией, деньгами, то в международной политике сила издавна рассматривалась как производная от контроля над населением, территорией, ресурсами, транспортными коммуникациями.

В этом контексте важно обратить внимание на то, что в отношениях между народами государство постепенно теряло свою монополию над внешними связями. Диалог между странами хоть и продолжал основываться на проблематике войны и мира, исключительной сфере ответственности государства, однако связи между народами все чаще выстраивались в формате сотрудничества негосударственных субъектов и вне властных институтов. Активно развивались торгово-экономические, культурные, образовательные контакты, транспорт, туризм. Даже идеологические аспекты международных отношений и вопросы привлекательности той или иной модели развития уже не монополизировались исключительно государственной политикой, а все чаще переходили в компетенцию публичной политики - диалога между гражданами и неправительственными организациями (тенденция последних десятилетий) [Бажанов Е., 2005, с. 44].

Государство сохранило свое значение и влияние, однако если изначально международные отношения характеризовались исключительно форматом межгосударственных отношений, то затем политика государств стала выбирать объектом своего воздействия, наряду с государствами, зарубежные народы и элиты, отдельные группы интересов внутри зарубежных обществ. В новых условиях возник вопрос об эффективности

внешней политики и, следовательно, о более точных методах характеристики силы государства, чему Дж. Най и уделил особое внимание в своих работах. В итоге, американский исследователь пришел к разделению двух основных проявлений силы: «жесткой» и «мягкой» [Най Дж., 2006, с. 74].

К «жесткой силе» будет относиться все, что касается инструментов принуждения в международной политике, когда одно государство заставляет другое (указывает другому), что нужно делать. В качестве примеров можно привести случаи применения военной силы, угрозы ее применения, различного рода торгово-экономические санкции, ограничения на перемещения отдельных лиц и некоторые иные меры принуждения.

Что касается «мягкой силы», то вариативность ее проявления оказывается более широкой. Так, к «мягкой силе» можно отнести и привлекательность страны в целом (ее идеологии, культуры, жизненного уклада людей, традиций, истории), и ее конкретные достижения (например, товары широкого потребления, научно-технические прорывы и др.), а также конкретные внешнеполитические шаги, направленные на формирование ее благоприятного имиджа в странах присутствия. Как видно из приведенных примеров, если «жесткая сила» характеризуется прямым влиянием на объект, то «мягкая сила» – скорее косвенным (хотя пространство для активных действий по-прежнему сохраняется). Итогом воздействия «мягкой силы» становится не принуждение, а формирование желания со стороны субъекта делать то, чего желает актор, проецирующий «мягкую силу», или же не критически поддерживать действия актора на международной арене [Най Дж., 2006, с. 132].

Из приведенных соображений можно сделать вывод об одном из главных отличий между «жесткой» и «мягкой» силой, которое заключается во времени, необходимом для достижения конкретного результата. Так, очевидно, что инструменты «жесткой силы» применяются «по требованию», в определенный отрезок времени – но и приводят, как правило, к краткосрочным результатам. Иными словами, «жесткая сила» эффективна в

краткосрочной перспективе, однако, достигнув цели, государство будет поставлено перед необходимостью удержания завоеванных позиций, и не исключено, что одни лишь инструменты «жесткой силы» могут оказаться недостаточными для достижения положительного результата. Весьма вероятно, что затраты на дальнейшее применение инструментов «жесткой силы» окажутся несопоставимыми с ожидаемыми политическими выгодами.

«Мягкая сила», напротив, ориентирована на постепенное и долговременное вовлечение объекта в зону своего влияния, при этом ее инструменты не могут быть применены оперативно. «Мягкая сила» генерируется и проецируется годами и десятилетиями, и дает результат в некоем неопределенном будущем. Гарантии результата использования инструментов «мягкой силы» ниже, чем в предыдущем случае, однако в случае успеха они носят долгосрочный характер. Причиной этого является тот факт, что «мягкое» воздействие основано не на принуждении, вызывающем отторжение, а на собственных, уже измененных (в пользу актора) взглядах объекта «мягкой силы». Существенное влияние на инструменты «мягкой силы» оказал и научно-технический прогресс. Весомый вклад в возможности государств по распространению своего влияния внесло развитие радио и телевидения, а в конце XX – начале XXI в. – Интернета и мобильных сетей. Стала доступна не только информация о той или иной стране и ее привлекательности, но и новые инструменты государственной пропаганды, направленной, в том числе, и на внешнюю аудиторию [Най Дж., 2006, с. 44].

Важно также отметить, что традиционно главными субъектами «мягкой силы» являлись великие державы – государства, обладавшие наибольшим потенциалом, стремящиеся к дальнейшему расширению своего влияния. В наши дни очевидным лидером в политике «мягкой силы» считается США. Кроме того, можно добавить, что сегодня вследствие высоких темпов экономического развития и открывшихся новых возможностей акторами «мягкой силы» все более становятся и некоторые

страны Юго-Восточной Азии, среди которых, прежде всего, необходимо выделить Китай.

Тем не менее, несмотря на то, что сегодня «мягкая сила» чаще всего ассоциируется с политикой США, исторически эта страна не являлась пионером в данной области.

Например, стоит вспомнить неоспоримое культурное влияние Франции в Европе в XVII–XVIII вв., когда французский язык не только стал языком европейской дипломатии, но также активно использовался в ряде государственных учреждений Пруссии и России [Най Дж., 2003, с. 29].

Помимо этого, к «мягкой силе» можно отнести и политику многих империй и титульных наций на территориях своих колоний и прилегающих территорий (которая, однако, далеко не всегда была достаточной). Несмотря на то, что Макиавелли говорил об опасности навязывания собственного видения развития завоевателем покоренному народу, обратная крайность – отсутствие политики экспорта ценностей и идеалов – может привести к отложенной, но от этого не менее фатальной нестабильности. Наглядными примерами этого в свое время стали Римская империя и Советский Союз, предложившие единую для страны имперскую парадигму, однако крайне слабо реализовавшие «мягкую силу» по повышению привлекательности метрополии. В результате, как только государственные центры оказались недееспособными и продемонстрировали свою слабость, периферия без промедления воспользовалась возможностью обрести самостоятельность, при этом в ряде случаев сформировав на национальном уровне негативное отношение к бывшей метрополии. Положительными примерами «мягкой силы» в России можно назвать расширение территориальных владений на восток, где местное население активно обращалось в православие и приобщалось к русской культуре, или популярность советской модели развития во многих странах третьего мира в 1950–1970-х годах.

В то же время, несмотря на приведенные примеры, следует признать, что исторически в условиях международной анархии «мягкая сила» долгое

время являлась скорее исключением, чем правилом. Высокая конкуренция между странами (за земли, стратегические территории, ресурсы), и в первую очередь – между великими державами, обусловила необходимость быстрого реагирования на стремительно меняющуюся международную среду и исходящие от нее угрозы. Именно поэтому «мягкая сила» на протяжении многих столетий объективно находилась «в тени» «жесткой силы», не имея достаточных возможностей для своего проявления.

Эта ситуация постепенно менялась в течение XX в. Уже упомянутый ранее научно-технический прогресс и новые инструменты реализации «мягкой силы», а также взаимное ядерное сдерживание (сделавшее масштабные военные конфликты с участием великих держав неприемлемым способом решения споров) и развитие международных институтов постепенно снижали роль «жесткой силы», все более ограничивая возможности ее проявления [Най Дж., 2006, с. 140].

Новые широкие возможности для «мягкой силы» открыли события конца 1980 – начала 1990-х годов. В частности, этому способствовал распад мировой коммунистической системы и окончание жесткой идеологической конкуренции двух противоборствующих блоков. В современном мире, не разделенном более так жестко между противоборствующими идеологиями, нашлось место для использования инструментов «мягкой силы» в конкуренции между государствами и региональными проектами. [Най Дж., 2006, с. 144].

Конечно, нельзя сбрасывать со счета усиливающиеся радикальные идеологии, включая исламизм, которые бросили вызов господствующей либеральной идеологии, но в целом мир сегодня идеологически гораздо более гомогенен, чем раньше. Тем не менее, использование в нем «мягкой силы» происходит не менее интенсивно, чем в прежние, идеологические времена, и США, без сомнения, являются в этой сфере лидером.

1.2 «Мягкая сила» на практике: исторический аспект

«Мягкая сила» как историческое явление, существовавшее на протяжении практически всей истории государственного развития, встречается задолго до появления терминологического определения данного феномена, данного Дж. Наем.

Британский историк и исследователь международных отношений Эдвард Карр также заметил возрастающую роль силы побуждения по решению вопросов в международной среде. Эдвард Карр считал, что есть три типа силы: военной, экономической и «силы над мнениями». Карр писал о «силе над мнениями» в 1939 году, когда над Европой и всем цивилизованным миром уже ясно нависла угроза нацистского и фашистского диктата, который, естественно, в своей политике не имел никакой связи с «мягкой силой», однако само его появление и распространение стало возможным во многом и благодаря той самой силе над мнениями, о которой говорил Карр [Карр Э., 2001, с.102].

Практику использования «мягкой силы» ошибочно приписывать только лишь к последним двум векам. Опыт реализации культурного воздействия который пропагандируется сегодня, уже неоднократно был пережит нашими предшественниками. Необходимо отметить важную составляющую данной гипотезы: «мягкая сила», как политика культурного побуждения добровольного действия, всегда шла и идет рука об руку с силой «твердой», военной, т.е. может сопровождать ее, но при этом ясно отличаться от последней.

Одним из первых примеров реализации «мягкой силы» в истории является политика эллинизма, зародившаяся как особый феномен во второй половине 4 века до н.э. и связанная с именем великого полководца Александра Македонского (356 - 323 до н.э.). Военные победы и завоевания Македонского сопровождались мощным культурным влиянием, которое он осознанно нес с собой и оставлял после себя. Благодаря походам Александра

Македонского, которые «вживили» огромное древневосточное культурное наследие в парадигму древнегреческой цивилизаций, создав нечто новое, но сохранив в этом новом доминантное положение древнегреческой культуры (как в количественном, так и в качественном смыслах). Необходимо отметить, что процесс приобщения двух культур друг к другу происходил именно в указанном неравновесном формате синергии, то есть в форме, где наступательная западная древнегреческая культура вобрала в себя культуру восточную, а не наоборот. Именно подобное неравновесное слияние, в противовес равнозначному синтезу, характеризует политическую культуру эллинизма и позволяет нам идентифицировать ее в качестве проявления того, что мы именуем «мягкой силой», элементом которой является указанная неравновесность сливаемых друг с другом культур [Осипенко О., 2005, с. 178].

Древний Рим так же был одним из этапов формирования «мягкой силы». Отчетливой всего она проявилась в культурной интеграции завоеванных народов и племен, их переселении на территорию Рима и последующей ассимиляции вместе с другими неримскими, но исконно проживающими на территории империи этносами. Данная политика не была и не могла быть абсолютно успешной (варвары, нападавшие на Рим, остались варварами, уничтожив Западную империю), однако она позволила Римской империи создать гибкую, по меркам своего времени, систему общественных отношений и просуществовать сотни веков. Дополнительно, в этой связи можно отчетливо заметить, что в вопросе «гражданства» римская традиция также дает нам пример успешного решения вопроса правонаделения: осознавая необратимость расширения империи и увеличения числа проживающих на ее территории людей, римские власти не могли не понимать, что все эти люди так или иначе будут задействованы в социальных процессах государства. Для подавления центробежных тенденций среди «не римлян», наряду с силой меча была использована и сила слова, сила закона и интеграции, которая позволила римлянам существенно расширить понятие

«гражданина», создав категорию «латинских граждан» и наделяя существенными правами не только обитателей Лация и Аппенинского полуострова, но и завоеванных территорий и даже тех государств, которые были союзниками Рима [Осипенко О., 2005, с. 174].

Стоит отметить, что подобная политика Рима, хоть и была успешной, однако сам процесс интеграции новых масс в римскую систему общественных отношений, их наделение частными правами, был достаточно противоречив. Ярким примером этому, пожалуй, являются гражданские войны, восстания, сотрясающие Рим десятилетиями. Тем не менее, именно успешность данного исторического проекта позволяет нам рассматривать его именно как проявление «мягкой силы» культурного воздействия. «Мягкая сила» зиждется на возможности формировать предпочтения других людей, делая это так, чтоб они думали, что делают и предпочитают что-либо по своей воле, т.е. добровольно. Соответственно, когда желания людей получить права граждан и стремления римского руководства интегрировать новые массы в собственную культуру совпали, механизм «мягкой силы» сработал. Данный подход нашел свой отклик и в последующие века, о чем недвусмысленно свидетельствуют произведения флорентийского писателя и политического деятеля Никколо Макиавелли. Итальянский автор говорит о том, что любому государству по отношению к своим поданным надо использовать такую политику, при которой последние одновременно и боялись, и любили правителя, причем больше боялись, чем любили. Согласно Макиавелли, для достижения поставленной цели существуют два способа действий: путь закона (как человеческий способ) и путь насилия (как способ животный). Но путь закона очень часто оказывается мало эффективным. Поэтому люди, как описывает их Макиавелли, прибегают ко второму способу. «Государи же должны уметь пользоваться обоими способами в равной мере, развивая в себе как человеческую, так и звериную природу. Поэтому государь должен подоби́ться двум животным – льву и лисе. Следуя их звериной природе, так как лев боится капканов, а лиса – волков, государь

должен подражать второй, чтоб избежать и обойти капканы, и льву, чтобы победить врагов» [Макиавелли Н., 2002, с. 85].

На примере макиавелистского подхода, мы видим, что Средневековье, как исторический этап, характеризующий период развития западной цивилизации, также сочетал в себе элементы как жесткой, так и «мягкой силы».

«Мягкая сила - это не только возможности и побуждения к добровольному действию, но и сами институты, стандарты и правила, которые привлекают внимание и являются желанными для имплементации другими акторами. Подобные стандарты, институты и структуры формируют целостную систему мягкой силы, которая зиждется, в основном, на трех базовых ресурсах: на культуре страны и тех ее аспектах, которые привлекательны для других; на политических ценностях данной страны, которые принимаются и другими странами; на внешнеполитической модели поведения страны, которая принимается в качестве легитимной и имеет моральный авторитет» [Най Дж., 2006, с. 103].

Подобными ресурсами «мягкой силы» в Новое время обладала Великобритания. Это государство создало одну из самых успешных и привлекательных имперских моделей в истории, на которую долгое время равнялись многие державы. Британский стиль правления, политическое устройство Британии, мощная армия и флот, расширяющаяся экспансионистская политика, в течение веков делали это государство ведущим локомотивом западного мира. Основной ошибкой, которую допустила Великобритания, подобно ошибкам предыдущих великих держав, стала самоуверенность в собственное безграничное могущество. Эта иллюзия была на практике доказана через политику преимущественно насильственного насаждения собственной «идеальной» модели, в противовес мягкой имплементации. Великобритания являлась великой державой, локомотивом экономического и политического развития своего времени,

однако, данное господство зиждилось на принудительном расширении и военной экспансии и усыпляло бдительность самой Великобритании.

Великобритания, подобно Риму, проводила как жесткую, так и «мягкую» политику. Однако в конечном итоге она предпочла силу военного давления, что достигло своего апогея в англо-бурской войне 1899-1902 годов. Закрепление приоритета за военным способом достижения целей стало для самой Великобритании, так же, как и для всех остальных держав, выбравших подобный путь воздействия, миной замедленного действия. Впоследствии Великобритания сохранила свое ведущее положение в мире, в том числе в экономической и политической среде, однако претендовать на единоличное господство и лидерство уже не смогла.

«Мягкая сила», так же, как и жесткая, имеет свои границы воздействия. История предыдущих эпох доказывает, что рассеивание и влияние «мягкой силы», как правило, ограничивалось географическими границами области, подконтрольной актору, и прилежащими к ней территориями, при этом не имев возможность сделать ареал действия более широким. Например культура Рима создавала сильное воздействие на союзников империи в близких ей странах, а Великобритания хоть и обладала колониями в пяти континентах, однако сохраняла их преимущественно военным способом, что и привело эту державу к неминуемому упадку [Най Дж., 2006, с. 54].

Двадцатый век и те изменения, которые в нем произошли – это среда, в которой «мягкая сила» обрела более конкретную форму. Две мировые войны доказали возросшую роль невоенных способов перекройки мира за счет применения экономических, идеологических и культурно-ценностных инструментов влияния. Соединенные Штаты Америки стали первым государством, вобравшим в себя не только свой собственный опыт двух веков, но, что более важно, опыт других стран. С отказом от политики изоляционизма и началом активного участия в международных отношениях, к середине прошлого века США смогли использовать тысячелетний опыт культурного влияния Европы и определить путь к гегемонии, который был

отвергнут Старым Светом и в частности Великобританией в борьбе за мировое господство преимущественно военными методами.

Создав условия для долгосрочного культурного, экономического и, в том числе, военного влияния на материке, США смогли универсализовать Старый Свет и универсализироваться вместе с ним в нечто новое, называемое термином «Запад». Америка смогла создать некий паритет между собственным военным и невоенным влиянием, и институционализировать последнее, создать целостную систему культурно-массового воздействия, которая разрушила антагонистическую систему советского образца, после чего, начала распространяться по остальному миру. [Осипенко О., 2005, с. 86].

Жизнеспособность американской модели «мягкой силы» основана на ряде особенностей. Эти особенности проявлялись как в эпоху Холодной войны, так и сейчас, успешно пережив последнюю. В первую очередь, для наделения «мягкой силы» особенностью универсального воздействия, необходимо создать подобный ей внешний противовес со стороны другого актора, который представлял бы угрозу не только для тех, кто придерживается подобного универсализма американского толка, но и для тех, кто находится в срединном состоянии между двумя системами. Такой угрозой в глазах проповедников универсализма стал коммунизм. "Как только что-либо идет вкривь и вкось при не поддающихся контролю обстоятельствах, мы тут же обвиняем противника в том, что это именно он засорил плевелами наше поле, и этим автоматически оправдываем свои ошибки и неумение вести собственное хозяйство. Конечно, это старая история. Столетия назад, когда о коммунизме еще никто и не слыхивал, наши предки находили козла отпущения в исламе. В XVI веке ислам вызывал в сердцах западноевропейцев такую же истерию, какую коммунизм вызывает в XX веке, и в основном по тем же причинам. Как и коммунизм, ислам - движение антизападное, хотя в то же время это как бы еретическая версия

западной веры; так же как и коммунизм, он оттачивал клинок Духа, против которого бессильно материальное оружие" [Тойнби А., 2009, с. 46].

«То обстоятельство, что противник угрожает нам скорее тем, что обнажает наши недостатки, нежели тем, что силой подавляет наши достоинства, доказывает, что Вызов, который он нам бросает, исходит не столько от него, сколько от нас самих. Это, собственно, происходит благодаря недавнему колоссальному подъему Запада в области технологии - фантастическому прогрессу в области «ноу-хау», - а это именно то, что давало нашим отцам обманчивую возможность убедить себя в том, что для них история вполне благополучно завершилась». Апогеем такого подхода к рассмотрению истории и собственной роли в ней является знаменитая работа американского политолога Фрэнсиса Фукуямы, провозгласившего конец истории. Однако его подход, так же как и вера сторонников западного либерального универсализма в вечное господство последнего, уже нашли практические опровержения. «Каким бы высоким ни был уровень материальной жизни, это не освободит душу человека от требования социальной справедливости; а неравное распределение товаров и средств в этом мире между привилегированным меньшинством и неимущим большинством превратилось из неизбежного зла в невыносимую несправедливость именно в результате последних технических достижений Запада» [Тойнби А., 2009, с. 34].

Технические инновации последних десятилетий стали не просто инструментом к достижению новых высот, но и средством эксплуатации, используемым для закрепления существующего доминантного положения Запада. Последний пытается сохранить монополию на благосостояние и привязать ее к собственной универсальной культурно-ценностной системе, ставя, таким образом, остальной мир перед четкой дилеммой: либо принять данную систему, внедрить ее и пользоваться ее благами, в том числе материальными, либо отвергнуть и стать соперником. В этом смысле, «демократический» западный универсальный либерализм отнюдь не

толерантен. Для стран же, изначально не входивших в данную систему по географическим или иным причинам, «возникает судьбоносный вопрос: может ли кто-нибудь заимствовать чужую цивилизацию частично, не рискуя быть постепенно втянутым в принятие ее целиком и полностью?» Ответ на данный вопрос дал Арнольд Тойнби.

Рассматривая отношения между Западом и исламским миром в глобальном контексте, Тойнби пишет: «Эти концентрические атаки современного Запада на Исламский мир ознаменовали и нынешнее столкновение между двумя цивилизациями. Очевидно, что это часть более крупного и честолубивого замысла, где Западная цивилизация имеет своей целью не больше и не меньше, как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и на воде и к чему можно приложить для пользы дела современную западную технологию. Тот мир и те цивилизации, которые можно назвать «не Западом» прекрасно осознают это, как и то, что им пытаются навязать. «Как бы ни различались между собой пароды мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все - русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные - ответят одинаково. Запад, скажут они, - это архиагрессор современной эпохи, и у каждого найдется свой пример западной агрессии» [Тойнби А., 2009, с. 37].

На протяжении всей Холодной войны и в период, последовавший за ней, Соединенные Штаты смогли внушить всему миру незыблемость и правомочность собственных универсальных постулатов. Удалось им это благодаря усвоению главного урока «мягкой силы»: страна может достичь желаемого результата в международных отношениях не только силой военного принуждения, но потому что другие страны, восхищаясь уровнем ее развития и процветания, хотят брать с нее пример, подражать ей, идти за ней. Как справедливо отмечает Дж. Най, «мягкую силу» создают не только высокая культура (поэзия, литература, государственная система

образования), но и массовая (в большей мере), которая нацелена на массовое развлечение. Когда высокая и массовая культура сочетаются, когда ограниченность и узконаправленность системы ценностей меняется на широкое распространение, происходит создание «универсальной культуры» [Най Дж., 2006, с. 56].

Сегодня подобной культурой обладает лишь США. До этого, универсальная культура восседала на пьедестале мировой истории лишь в эпоху греко-римского и британского владычеств. Однако, если универсальность культуры в эпоху Рима и викторианскую эпоху ограничивалась владениями империи (племена и народы за ее пределами не перенимали ее, оставаясь приверженцами собственных языческих культур, подобно многочисленным племенам варваров), то культура западного либерализма уникальна тем, что рассеяна по всему миру. Ключевым гарантом подобного успеха пролиферации культурного влияния явился элемент доступности культуры Соединенных Штатов: в этом смысле, если рассматривать универсализм культуры США как системы, основанной на двух типах (высокая и массовая), то, скорее, культура США более тяготеет к массовости, ее элемент занимает большее место, чем высокая культура.

Часто «мягкая сила», появляющаяся в неформальном виде через распространение массовой культуры, может иметь более эффективное воздействие на умы людей, чем официальная линия внешнеполитических ведомств. «Намного легче убедить людей следовать демократии, чем навязать ее и принудительно заставить следовать ей». При этом вполне естественно, что ведя и привлекая другие страны своим примером в ареал собственного действия, Америка не гарантирует, что реальная жизнь в этих странах будет идентична американской общественной модели [Най Дж., 2006, с. 47].

1.3 Политика мультикультурализма как ресурс «мягкой силы»

Межэтнические противоречия сопровождают международные отношения с глубокой древности. Эти проблемы вынуждали правителей, увлечённых завоеваниями отдалённых территорий, преодолевать деления на «своих» и «чужих» для большей устойчивости имперских владений. Так, Александр Македонский, помимо введения единой валюты и объединения рынков Европы, Азии и Африки, поощрял межнациональные браки между греками и персами, которые и по сей день кажутся исключениями из правил. Должно было пройти два тысячелетия, чтобы на базе Британской империи, создавшей переселенческие колонии в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии, идея слияния народов в постэтническую общность нашла своё практическое применение.

Соединённые Штаты, спроектированные отцами-основателями на универсальный манер, предложили миру новую модель человеческого сосуществования, которая в век национализма (XIX в.) казалась утопией. Американцы испытали то, что английский историк А. Тойнби назвал «миражом бессмертия», убеждение, согласно которому «их государство есть последняя форма человеческого общества». Так было с Римской империей, с халифатом Аббасидов, с империей Великих Моголов, с Оттоманской и Британской империями. Граждане подобных универсальных государств «совершенно пренебрегая очевидными фактами... склонны считать его не пристанищем на ночь в пустыне, а землей обетованной, целью человеческих стремлений» [Тойнби А., 2009, с. 136].

На первых порах молодое американское государство, состоящее из иммигрантов, сделало ставку на систему образования, целью которой стало воспитание американцев; школы специально покупали флаг США, на котором ученики давали клятву верности государству. (Неслучайно в середине XX в. неомарксисты начнут «тихую революцию» именно с системы образования.) По поводу европейских волн иммиграции президент США

(1825-1829 гг.) Дж. К. Адамс поучительно отмечал, что приезжие должны сбросить европейские одежды и никогда больше к ним не притрагиваться».

С развитием капитализма строительным материалом, объединяющим мигрантов Соёдинённых Штатов (равно как и Канады), становится городская культура развлечений, названная «массовой культурой». Однако вопрос этнической принадлежности по-прежнему, оставался краеугольным камнем в построении общественных отношений и формировании американской культурной идентичности. С годами он становился всё более острым и противоречивым: политическая нестабильность Старого Света, вызвавшая массовую иммиграцию из стран Южной и Восточной Европы в 1880 гг., захлестнувшая Америку, достигла своего пика в 1914 г., вынудив Конгресс установить (в 1921 г.) «потолок» в 150 тысяч иммигрантов ежегодно. [Глущенко В., 2008, с. 94].

На рубеже XIX-XX веков волна расового и антииммигрантского насилия стимулирует возникновение концепции «плавильного котла» («плавильного тигля»), превратившейся позже в стержень культурной политики США. Несмотря на то, что впервые идея была выдвинута ещё в 1780-х гг. Эктором Сент-Джоном де Кревекером, констатирующим, что «представители всех народов словно сплавляются в новую расу», на современные очертания теории повлиял показ в 1908 г. пьесы «Плавильный котел» («The melting pot»), написанной британским евреем Израелем Зангвилем.

Плавильный котел явился наиболее неоднозначным символом американского общества, из всех, которые когда-либо существовали. С одной стороны, он указывает на основную особенность современной американской. Всё происходило не так быстро и, как известно, свои полноценные плоды эта политика начала приносить лишь в последней четверти XX века.

В 1915 г. Х. Коллэн (Kallen) разрабатывает концепцию «салата», которую впоследствии именует теорией «культурного плюрализма». Согласно теории общественные группы объединяются происхождением, а не

культурой. В настоящее время среди ученых всё больше распространяется мнение, согласно которому современное американское общество и, соответственно его культура, представляет собой скорее салат, нежели плавильный котел. Это иллюстрация того, что различные культуры Америки не плавятся, превращаясь единую унифицированную гомогенную культуру, а вступают в кросскультурный диалог, сохраняют свои историко-культурные особенности, не синтезируясь друг с другом.

Существует и другая модель американской идентичности - «томатный суп», фокусирующаяся на культурной ассимиляции и «основанная на допущении, что иммигранты и их потомки адекватно адаптируются к англосаксонским культурным паттернам». Более точная, нежели остальные модели, она прекрасно работала с волнами иммиграции до 1960-х гг.

Эти концепции, как и многие другие, стали порождением своего времени и были призваны обслужить определенную политическую доктрину, после чего спрос на них снижался. Несмотря на адаптацию и ассимиляцию с доминирующей ценностной парадигмой, историко-культурные традиции внутри этнических сообществ сохранялись настолько тщательно, что «пришлые» культуры не могли раствориться до конца, становясь своеобразными очагами культурного наследия народов [Филимонов Г. Ю., 2010, с. 73].

На протяжении XIX и XX веков национальные государства были вынуждены отвечать на серьёзные социально-экономические и политические вызовы, масштаб которых возрастал благодаря всеобъемлющей взаимозависимости. Для сравнения: если «рост индустриализации XIX в. поставил вопрос об интеграции городского рабочего класса в институциональные рамки западного общества» , подложив под национальное государство «бомбу замедленного действия», то распад мировой колониальной системы в середине XX в., усиливший миграционные потоки по системе «центр-периферия», привёл весь «взрывной механизм» в действие. Угроза «публичной сфере» США и Западной Европы последовала

на этот раз «не из внутреннего промышленного сектора, а из периферийной культурной среды», ставшей, в своем роде, «подарком колониальной эпохи». Происходило масштабное наступление на национальные культуры государств, которые, к примеру, в СССР (после смерти И. Сталина) оставались неизменными только в деревнях [Сморгунов Л.В., 2010, с. 44].

В этой связи, мультикультурализм, будучи системой представлений, ориентированной на развитие и сохранение в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий и признающей права за коллективными субъектами - этническими и культурными группами - явился «важнейшим вызовом для культурной гегемонии национального государства», выводящим из игры буржуазные принципы политического либерализма.

Мультикультурализм можно считать социокультурной парадигмой глобализации, идеологией, сформированной после Второй мировой войны «новыми левыми» как реакция на европейский нацизм и фашизм. Будучи продуктом теоретиков неомарксизма из Франкфуртской школы произведенным «под заказ» атлантических элит и спущенным к массам решением «сверху», мультикультурализм стал «другой крайностью фашизма». Схожую точку зрения разделяют американские исследователи из Института им. Айн Ренд М. Берлинер и Г. Халл, утверждающие, что «сторонники «разнообразия» и «мультикультурализма» видят мир через цветные линзы и разделяют людей по признаку расы и пола, претворяя в жизнь принципы подлинного расизма». Учёные констатируют: «раса для мультикультурализма - детерминанта мышления и человеческой идентичности в целом», «возводящая непреодолимую пропасть между людьми, якобы не имеющими ничего общего, кроме кровных уз». В этой связи, опыт Канады, официально взявшей с октября 1971 г. мультикультурализм на вооружение для преодоления противоречий англо-французского «бикультурализма», явный тому пример [Филимонов Г.Ю., 2013, с. 67].

Несмотря на то, что «идеология мультикультурализма не нашла себе общепризнанного выражения в форме, скажем, манифеста или программы, тем не менее она объективно существует - как своего рода цепочка сигнальных огней или опознавательных знаков, выход за пределы которых строго воспрещен». Понятие «мультикультурализм» вводит в заблуждение: «можно подумать, что дело касается какого-то направления в научных исследованиях (так, кстати, и трактуют его некоторые наши ученые комментаторы)». В действительности же «мультикультурализм — это именно идеология, «слив» из сообщающихся сосудов современного неомарксизма». Терминами «мультикультурализм» и «мультикультурный» иногда обозначают культурную, языковую и конфессиональную мозаичность населения страны или региона, иными словами, культурное многообразие населения. Однако более удобным представляется термин культурное многообразие, или культурная мозаичность, в то время как понятие мультикультурализм обозначает политику государства, направленную на поддержку и правовое обеспечение такого многообразия, а также философско-идеологическое и теоретическое обоснование такой политики.

Некоторые исследователи используют мультикультурализм в качестве «общего термина, характеризующего морально-политические требования и особенности уязвимых групп населения, в том числе афроамериканцев, феминисток, сексуальных меньшинств и инвалидов», большинство теоретиков резонно «связывают понятие с волнами иммиграции различных этнических и религиозных групп» [Филимонов Г.Ю., 2013, с. 68].

Фактором, стимулирующим современную миграцию и, как следствие, реализацию политики мультикультурализма, становится усиливающееся социально-экономическое неравенство между Севером и Югом, что сопровождается «повышением прозрачности государственных границ и глобальной демократизацией». По мнению неомарксистов, это обстоятельство усиливает «требование всех эксплуатируемых «золотым миллиардом» народов радикально изменить систему общемирового

распределения», превращаясь в «важнейший источник мировых потрясений». Принимая во внимание, что «международные миграции рабочей силы были характерной чертой капиталистической мирэкономки на протяжении всех пятисот лет её существования», неомарксисты констатируют: «условия существования капитализма серьезно изменились, и вместе с ними изменились параметры и особенности миграционных процессов». Во-первых, «новые средства коммуникаций, в том числе информационных и транспортных, серьезным образом упростили процесс миграции». Во-вторых, «глобальная экономическая и демографическая поляризация создает ранее невиданное давление, выталкивающее массы людей с Юга в миграционные потоки, движущиеся в разные регионы Севера».

Указывая на односторонность учения К. Маркса, неомарксисты заявляли, что нельзя рассматривать экономические отношения в отрыве от существующих в обществе отношений и связей, объединяемых термином «культура». Отсюда проистекал вывод: «освобождение» пролетариата немислимо без разрушения культуры, квалифицированной ими как «буржуазная», необходимо «разрушить господство человека над самим собой» [Кургиняна. М., 2011, с. 43].

Эта проблематика нашла довольно органичное и целостное выражение в понятии мультикультурализма или мультикультурного проекта, затронувшего самые различные сферы общественной жизни и ее осмысления - от политики и социологии до литературы и искусства. Мультикультурализм явился одним из всеобъемлющих факторов или атрибутов современной культуры США, определить который однозначно, как, впрочем, и понятие мультикультуры — его предмет и, в определенной мере, идеал, достаточно сложно. Это и социокультурная утопия, и академическая «мода», и художественная практика, и отражение новой формирующейся (пост)национальной идеологии. В сфере интересов мультикультурализма в самых различных его проявлениях попадает прежде всего проблема единства и разнообразия, взаимоотношения «я» и «другого» или «других», как и шире

субъектно-объектная проблематика, вопросы релевантности познания, истины, полемика по поводу релятивизма и универсализма, политика и структура власти, наконец, проблемы репрезентации и идентификации.

Для того чтобы четко представлять аргументы сторонников искусственного конструирования мультикультурного социума как продукта политических решений, проводимых в т.ч. по каналам Франкфуртской школы, целесообразно обратиться к феномену «культурных войн» между консерваторами-традиционалистами и неомарксистами. Так, П.Дж.Бьюкенен в книге «Смерть Запада» обрушивается на «новых левых» всей мощью своей критики, основанной как на объективных научных оценках духовно-нравственных, социально-политических, этноконфессиональных аспектов жизни современного американского общества, так и на производных отсюда субъективных выводах. Бьюкенен, в частности, пишет: «Новые марксисты рассчитывали добиться своего не прибегая к насилию, через десятилетия кропотливого труда. Победа станет возможной, лишь когда в душе западного человека не останется и малой толики христианства. А это произойдет, лишь когда новый марксизм завладеет всеми средствами массовой информации и общественными институтами. При содействии Колумбийского университета беглецы (Т.Адорно, Э. Фромм, В. Райх, Г.Маркузе, бежавшие из Европы с приходом к власти в Германии Гитлера - прим, авт.) обосновались в Нью-Йорке и стали прилагать свои таланты и силы к подрыву культуры страны, которая дала им приют».

Американский политик подвергает «обструкции» теорию франкфуртцев, критиковавшую все без исключения элементы западной культуры, породившую, на его взгляд, «культурный пессимизм», безнадежность и отчаяние по отношению к собственной стране. Кроме того, подчеркивается искусственная «криминализация» среднего класса, а также института семьи и других традиционных ценностей: «Обнаружив зародыш фашизма в патриархальной семье, Адорно отыскал и место обитания этого зародыша - традиционную культуру»; «ещё одним достижением

Хоркхаймера и Адорно - поясняет Бьюкенен - был тезис о том, что дорога к культурной гегемонии лежит через психологическую обработку, а не через философский диспут. Американских детей следует приучать в школе к мысли, что их родители - расисты, шовинисты и гомофобы и что им необходима новая мораль. Сама Франкфуртская школа остается почти неизвестной большинству американцев, однако ее идеи широко распространялись по педагогическим колледжам в 1940-х и 1950-х годах»⁶⁰³. Один из основных постулатов школы заключается, по информации П.Бьюкенена, в важности того не какими знаниями дети овладеют, а то усвоят ли они «правильное» отношение к жизни [Филимонов Г.Ю 2012, с. 43].

«СМИ Америки превратились в осадные орудия в войне культур и в самое надежное средство оболванивания молодых. В прошлом общественные устои подрывались словами и книгами, но Маркузе был уверен, что секс и наркотики - оружие куда более действенное. В книге «Эрос и цивилизация» он выдвинул знаменитый принцип удовольствия: «Занимайся любовью, а не войной». Для новых марксистов не было цели важнее, чем уничтожение института семьи, которую они рассматривали как типичный пример диктатуры и как инкубатор шовинизма и социальной несправедливости». В результате, по информации Бьюкенена, в современных США традиционные семьи составляют не более четверти от общего числа проживающих вместе людей.

При этом в современных США наряду с неизменным официальным идеологическим вектором универсализации своей культурной идентичности и отождествления с «американской нацией» - надэтнической гражданской категорией - все более проявляется тенденция к «консервации», самоизоляции и замыканию внутри этнических сообществ. Приоритетом становится диаспоральность и этничность, нежели наднациональные мировоззренческие категории и политические установки.

Наряду с неомарксистами, большое влияние на современную теорию мультикультурализма оказала либеральная концепция Чарльза Тейлора. В своём известном эссе «Политика признания» канадский политический философ делает попытку реконструкции европейской субъектности, предлагая новую философскую трактовку субъекта и межсубъектных отношений. При этом «он исходит из представлений об основах справедливого устройства современного общества, разделяемых многими другими современными авторами», которое должно «обеспечивать нормальное развертывание тех моральных и психологических процессов, посредством которых человек обретает уверенность в своих силах, самоуважение и ощущение собственной ценности и социальной необходимости» [Филимонов Г.Ю 2012, с. 44].

Тейлор первым заговорил о политике признания, понимая под этим не только «официальное признание существования того или иного меньшинства в рамках государства, но и признание прав этого меньшинства, влекущее справедливое и равноправное его включение в социальную, культурную и политическую жизнь страны, т.е. полноценное гражданство». С его точки зрения, «потребность в признании - жизненно необходима, поскольку представляет собой один из аспектов развития современного субъекта, включающий не только требования равенства, но и гарантии самовыражения». Лишь «взаимное уважение групп субъектов дает основу их моральным требованиям взаимного признания прав друг друга на культурную самобытность». Иными словами, «требования равенства предшествуют и являются основой обеспечения права на свободу культурного самовыражения».

Применительно к европейскому мультикультурализму Тейлор считает, что «интегрировать вновь прибывших и бороться с дискриминацией можно только в том случае, если общество принимающей страны убеждено, что приток иммигрантов - это благо, если население приветствует большее культурное разнообразие, поскольку считает, что оно способствует более

динамичному развитию и раскрытию творческого потенциала». Таким образом, по Тейлору, возникает то, что может быть названо «идеологией мультикультурализма», «представление о том, что наше общество способно приветствовать и интегрировать различия». В качестве примера именитый автор приводит Канаду, где такого рода идеология очень сильна [Филимонов Г.Ю., 2012, с. 61].

Американский социолог и филантроп Стивен Рокфеллер, специализирующийся на проблемах образования и планирования семьи, восхваляет идеи Тейлора, подчёркивая, что мультикультурализм и «политика признания» могут привести человечество к свободе, равенству и демократии. Научные изыскания канадского философа позволили потомку влиятельной фамилии глобализировать постулаты культурного многообразия, придав им форму закона. Создав совместно с бывшим главой СССР М. Горбачёвым и М. Стронгом (председатель и основатель Совета Земли) Хартию Земли - международную декларацию основополагающих принципов и ценностей для создания устойчивого и мирного глобального общества в XXI в- С. Рокфеллер провозглашает мультикультурализм основной моделью существования будущих поколений [Филимонов Г.Ю., 2010, с. 60].

Хартия Земли была преподнесена как результат длительного (десятилетнего) всемирного диалога между представителями разнообразных культур, вероисповеданий и идеологий по поводу объединяющих все человечество общих целей и моральных ценностей. Возникшая изначально как проект ООН, Хартия продвигалась под эгидой глобальной гражданской инициативы, что позволило ей получить официальное признание и поддержку более 4,800 организаций во всем мире, в том числе, национальных правительств и таких солидных международных организаций, как ЮНЕСКО и Всемирный союз охраны природы (IUCN). Правоведы признают, что Хартия Земли - международный «мягкий закон», который, как это имело место со Всеобщей декларацией прав человека, сначала приобретает морально-нравственный статус, юридически не обязывая страны

ООН им подчиняться, а затем, получая все большую политическую поддержку, признаётся в качестве «жесткого» международного закона, соблюдаемого всеми.

В преамбуле документа, принятого в марте 2000 г.** на собрании Комиссии Хартии Земли в штабе ЮНЕСКО в Париже, было зафиксировано, что «при огромном разнообразии культур и форм жизни мы являемся одной семьёй и единым мировым сообществом с общей судьбой» и «должны объединиться и создать устойчивое глобальное общество, основанное на уважении к природе, правам человека, экономической справедливости и культуре мира». Для поддержки мультикультурализма в глобальных масштабах в шестнадцать принципов Хартии Земли вошли «культура толерантности» и «особое внимание к правам коренных народов и различных меньшинств»

Руководящий орган - Совет Земли (функционирует на базе ООН с 1992 г.), претворяющий в жизнь управленческие решения через Международную комиссию Хартии Земли, созданную в 1997 г. при поддержке Международного Зелёного Креста (экологической организации, обязанной своему появлению в 1993 г. М. Горбачёву). Среди известных имён, участвующих в работе Совета Земли, значатся: Дж. Картер, бывший президент США; Р. Макнамара, бывший министр обороны США; К. Шваб, президент Всемирного экономического форума в Давосе; Р. Любберс, бывший премьер-министр Нидерландов; С. Ганди, лидер Индийского национального конгресса; С. Эрнандес, бывший председатель Межпарламентского форума обеих Америк; а также В. Котляков, директор Института географии РАН.

Пропаганда идеологии мультикультурализма осуществляется Советом Земли через многообразную глобальную сеть, названную «Инициативой Хартии Земли». Инициатива - массовое движение глобального гражданского общества. Среди его участников ведущие международные учреждения и организации, национальные правительства и их учреждения,

университетские ассоциации, неправительственные организации (международные и национальные) и местные общины, муниципалитеты, разнообразные конфессиональные группы, школы, культурные организации, представители частного бизнеса, ученые, равно как и тысячи частных лиц .

Последние десятилетия XX века в США были отмечены очередным всплеском «культурных войн», в центре которых стояли такие понятия как национальный канон и традиция, проблема соотношения единства/разнообразия/различия в американской культуре, «революция идентичностей», наконец, мультикультура, или культурная многосоставность, что легли в основу понятия «общества и культуры разнообразия» — социокультурного комплекса, посредством которого Америка представляет себя в последние десятилетия, то есть модели, в очередной раз, выводящей на первый план центробежные и гетерогенные тенденции в развитии национальной культуры [Филимонов Г.Ю., 2010, с. 77].

Причём подобная ситуация складывается не только в Новом Свете: для большинства государств культурное многообразие становится нормой. Феномен заключается в повсеместном росте торговли, туризма, международного диалога ученых и деятелей искусств, мобильности квалифицированных специалистов и миграции, приводящей к тому, что в большинстве стран проживает значительное число людей, принадлежащих к другим культурам¹⁴. Практически «везде можно встретить представителей хотя бы одного культурного меньшинства — иностранных туристов и бизнесменов». Многие «страны можно назвать многообразными в культурном плане уже потому, что они открыты внешнему миру — представители любых народов могут туда свободно приезжать, уезжать, а иногда и оставаться».

В этой связи, мультикультурализм явился своего рода «данью», которую богатые страны выплачивают бедным. Однако, если для Соединённых Штатов и Канады высокие иммигрантские потоки - историческая форма существования, то для европейских стран - неминуемый

крах национального государства, вызванный тем, что численность государствообразующих народов постепенно размывается. Так, английский политолог и член элитарного Королевского института международных дел Дж. Линдли-Френч с сожалением пишет о «великой иммиграционной катастрофе» в Британии, где гипериммиграция, приближающая население страны к 70 миллионному рубежу, «представляет реальную угрозу для английского общества, культуры и социальной инфраструктуры». Причём проблема анализируется с точки зрения суверенитета туманного Альбиона: «Приверженность британского истеблишмента идее культурного многообразия приводит к умножению числа граждан Великобритании, преданных интересам других стран» [Филимонов Г.Ю., 2010, с. 74].

Вызовы, связанные с иммиграцией, - не новая тема и для Германии. Десятилетиями немцы - и родившиеся в Германии, и вернувшиеся на свою исконную родину из-за рубежа, - придерживаются мифа, что гастарбайтеры - рабочие-иммигранты, приехавшие в страну в 1960-е и 1970-е гг. и помогавшие сотворить «экономическое чудо», - не собираются оставаться здесь навсегда. Неудивительно, что многие из тех, кто остался, не смогли успешно интегрироваться в немецкое общество. В течение нескольких десятилетий немцы испытывали нарастающую озабоченность из-за проблем с иммиграцией. Вместе с тем, они редко высказывали вслух свои тревоги. Современный протест немецкого истеблишмента выражен в книге Тило Сарацина «Германия - самоликвидация», ставшей в ФРГ бестселлером. Автор утверждает, что «иммигранты уничтожают Германию». С точки зрения Сарацина «большая часть арабских и турецких мигрантов не только не желают, но и не могут интегрироваться в немецкую культуру, и, чтобы избежать ускоренной гибели нации, государству необходимо принять срочные меры, начав с радикальной перестройки системы соцобеспечения». По мнению бывшего постоянного представителя России при НАТО, ныне Заместителя Председателя Правительства России Д.О.Рогозина, «крах европейского мультикультурализма был предсказан ещё десятилетие назад»,

«причем не только критиками справа - консерваторами и националистами, но и такими рафинированными либералами, как Сейла Бенхабиб»*. В своих работах «она настойчиво и убедительно доказывала, что предоставление привилегий этническим и расовым группам противоречит либеральным основам западной демократии и несовместимо с фундаментальными представлениями о свободе и равенстве». Таким образом, «опасность повторения «римского сценария» - падения античного Рима под натиском варварских орд - выглядит уже не интеллектуальной провокацией, а реалистичной оценкой ситуации, складывающейся в Западной Европе» .

Предполагалось, что новая европейская культура полностью отрешится от консерватизма, национализма и христианской религиозности, - и станет удобной «толерантной» средой для снятия старых конфликтов и адаптации вновь прибывающих иммигрантов из стран Юга к «свободному миру». Произошло обратное: радикально ослабленная «автохтонная» культура Европы ничем не привлекала иммигрантов. Массово переезжая в Старый свет, они сохраняли свою самобытность и обособлялись от «безликих европейцев» [Вейсман С., 2005, с. 137].

Нынешние противоречия в Европе связаны с чрезмерной ослабленностью Старого света, утратившего потенциал социокультурной сопротивляемости собственноручно взрощенной проблеме - поощрения иммиграционных потоков пассионарных представителей культуры Юга. Следствием умалчивания проблемы и отсутствия конкретных шагов по решению задачи стало стремительное политическое «правление» Европы. Основной мотив этого процесса связан с тем, что «толерантность и мультикультурализм в европейском исполнении работают не на интеграцию иностранцев или, тем более, их ассимиляцию (как в прошлые века), а на сегрегацию и создание «пятой колонны» Юга». Подобная политическая линия необратимо изменяет демографическую и этноконфессиональную картину большей части стран региона [Вейсман С., 2005, с. 141].

Вместе с тем нельзя игнорировать культивируемые в среде иммигрантов контркультурные протестные настроения, высокую криминогенность и социальную опасность для коренного населения, исходящую от этнических анклавов внутри европейских городов. Отдельный блок вопросов, порождающий противоречия - динамичное возведение мечетей в традиционно христианских странах Европы вплоть до выкупа объектов недвижимости и оснащения их под нужды прихожан исламского вероисповедания, полемика вокруг законов о запрете ношения паранджи и так далее.

Таким образом, есть основания рассматривать динамику происходящих в Европе и Северной Америке социокультурных процессов не в последнюю очередь как результат официальных политических решений по привлечению дешёвой рабочей силы и «освежения крови» экономического организма государств за счет миграционных потоков с одной стороны, а с другой - как продукт политических проектов - социальных экспериментов по искусственному формированию мультикультурной общности народов с идеологической наднациональной доминантой [Вейсман С., 2005, с. 143].

Одна из основных причин краха политики мультикультурализма в Европе и неизбежно нарастающего кризиса в США (согласно реальной картине межэтнические противоречия в Америке не исчезали, а сегодня только нарастают) - противоестественность попыток искусственного смешения культур там, где отправные исторические, социокультурные, хозяйственно-экономические, ментальные и прочие различия делают перспективу реализации таких проектов нереалистичной. Особенно в том случае, когда основная нагрузка по содержанию вновь прибывающих пополнений в семьи мигрантов (живущих на социальные пособия) ложится на плечи налогоплательщиков из числа коренного населения. Это приводит к постепенному ослаблению прав национального большинства по отношению к меньшинству и фактическому лишению правовых и политических инструментов противодействия экспансии.

Со временем упадок государствообразующих народов, ставший возможным благодаря аппликации идеологии мультикультурализма, будет форсировать «децентрализацию государств». В Евросоюзе «эта тенденция явно прослеживается на территории Бельгии (Фландрия и Валлония), Франции (Корсика), Испании (Каталония и Баскония) и Британии (Шотландия и Северная Ирландия)» [Вейсман С., 2005, с. 143].

Глава 2. Технологии применения «мягкой силы» во внешней политике США в начале XXI века

2.1 Филантропические фонды и спонсорские организации как инструмент «мягкой силы»

В США институт филантропических фондов стал одним из важнейших политико-экономических рычагов управления, в том числе глобальными процессами. Это сеть «возникших в начале XX века специально созданных учреждений, в которой сконцентрированы миллиардные средства, до определенной степени освобожденные от выполнения чисто экономических функций и основное направление деятельности которой нацелено на оказание, как политического, так и экономического воздействия». По мнению специалистов, в настоящее время ничто не приносит американскому капиталу таких устойчивых экономически и политически выгодных дивидендов, как филантропическая деятельность, а наибольшую отдачу получают ведущие группы американского финансового капитала.

Выделяются три главных направления, по которым действуют основные американские филантропические фонды: разработка целей и направлений внешнеполитического курса США на современном историческом этапе, а также стратегии и тактики для их достижения в будущем; идеологическое обоснование и социально-экономическое оправдание поставленных задач, их пропаганда в качестве целей, отвечающих интересам американского народа; подготовка, отбор и расстановка собственных и зарубежных кадров для практического осуществления глобальной политики США. Филантропические фонды и спонсорские учреждения стали своеобразной базой разветвленной сети различных организаций, которая включает т.н. независимые научно-исследовательские и общественные организации, совместно финансируемые и управляемые, определяющие условия и соответствующие рамки для

определения долгосрочного внешнеполитического курса США на мировой арене.

Обладая практически неисчерпаемыми финансовыми ресурсами, обеспечиваемыми со стороны Уолл-Стрит, фонды определяют ключевые векторы американского образования. По данным советского дипломата Р.С. Овинникова, порядка 2/3 всех вложений филантропических фондов в институты высшего образования США сосредоточены всего в 20 университетах. Концентрация «даров» фондов Карнеги, Рокфеллеров и Форда носит ещё более ярко выраженный характер, о чём свидетельствует учёный-филолог С. В. Воронин: в 1965-1971 годах «пожертвования», предоставленные фондами Форда, Рокфеллера и Карнеги 11 ведущим американским университетам, составили 351 млн. долл. При этом половина (49,7%) из них приходилась всего на три университета: Колумбийский, Гарвардский и Чикагский [Филимонов Г.Ю., 2012, с. 243].

В работе, посвящённой невоенным факторам силы во внешней политике США, отечественный исследователь И. Л. Шейдина подчёркивает особую роль американских «благотворительных» фондов, массированно финансирующих разного рода проекты и программы содействия США развивающимся странам в области образования, а также оплачивающие пребывание и обучение в Америке студентов из стран «третьего мира». От трети до половины субсидий фондов (а их в США около 30 тыс.) реализуются в сфере образования, к этому добавляются ещё примерно 15%, ассигнуемые специально на развитие «международных связей». Шейдина полагает, что, несмотря на косвенный характер своего влияния, фонды зачастую оказывают решающее воздействие на ход политических событий. Так, например, были случаи, когда страны - Конго, Нигерия, Бангладеш, Египет и другие - находились с США в конфликтных отношениях и не имели никаких других каналов общения кроме тех, которые сохранялись благодаря перманентной деятельности филантропических фондов.

Деятельность фондов способствует созданию благоприятного инвестиционного климата; нередко они консультируют правительства при решении различных хозяйственных вопросов, при разработке государственных планов к их содействию прибегают охотнее, чем к помощи официального американского аппарата. Особое внимание фонды уделяют созданию научных центров, учебных заведений. Фонд Форда и Фонд Рокфеллера, например, сыграли значительную роль в «зеленой революции»: они финансировали в Азии работу над выведением новых сортов риса; в частности, с их помощью при Филиппинском университете был создан Институт риса, преобразованный позднее в Международный центр исследований по рису [Согрин В., 2001, с. 35].

Были извлечены некоторые коммерческие выгоды для «родительской организации» - налажены прямые контакты фирмы группы Рокфеллера - «Эссо» - с соответствующими филиппинскими организациями; в частности, «Эссо» заключила договор с сельскохозяйственным колледжем Филиппинского университета, в котором было оговорено, что в случае каких-либо нововведений или усовершенствований, сделанных сотрудниками или студентами колледжа в работе над совместными проектами, колледж согласен предоставить «Эссо» безвозвратный, безгонорарный патент на использование этих нововведений в любой стране мира.

Фонд Форда и Фонд Рокфеллера финансировали схожий проект и в Африке - создание Международного института тропического сельского хозяйства в Ибадане (Нигерия). Э. А. Журихин подробно рассматривает механизм влияния фондов на социально-политическую и экономическую жизнь развивающегося государства на примере Индонезии, где, как он пишет, американским неправительственным организациям удалось «сформировать политику нового режима»³⁴⁷, благоприятную для США после государственного переворота в 1965 г.

По резонной оценке И. Л. Шейдиной, «вся эта деятельность, не носящая характера краткосрочной политической кампании, но проводящаяся неуклонно и постоянно уже на протяжении десятилетий (причём всё менее и менее рекламируемая теми, кто в ней участвует), преследует действительно долгосрочные и стратегические цели - повлиять на процессы создания интеллигенции в молодых государствах». При этом, продолжает Шейдина, «особое внимание США привлекают, естественно, те, кто может войти в состав национальных бюрократических и технократических групп; именно их американцы стремятся привлечь к себе таким образом, чтобы на них можно было опереться в борьбе против оппозиционных движений, чтобы обеспечить себе с их стороны социальную солидарность, поощряя в этой среде космополитические тенденции, тягу к западному образу жизни, культуре потребления и т.п.»³⁴⁸. Данную точку зрения также разделяют известные отечественные авторы М.С. Очков, Э.А. Журихин и В.М. Муромцев, констатирующие: фонды отдают себе отчёт в том, что университеты и колледжи - это кузница кадров специалистов, от социальной позиции которых во многом зависит эффективность экономической системы Запада [Филимонов Г.Ю., 2010, с. 98].

Усилиями Фонда Карнеги, Фонда Рокфеллера и Фонда Форда («тройки») было вызвано две волны в создании при ведущих американских университетах специализированных внешнеполитических научно-исследовательских центров. Первая такого рода волна охватила 1950-1952 годы. Она началась с учреждения в Чикагском университете центра по изучению внешней политики США. В 1961 году основанный еще до второй мировой войны при Йельском университете центр международных исследований был передан Принстонскому университету, где он был радикально перестроен и расширен на средства тех же фондов. В том же году центр международных исследований был организован при Массачусетском технологическом институте. Он содержался на «дары» фондов Рокфеллера и Форда. Наконец, в 1952 г. на деньги Корпорации Карнеги был создан

Институт исследований проблем войны и мира при Колумбийском университете, взятый впоследствии на дотацию и Фондом Рокфеллера.

В 1957-1960 гг., после пятилетнего перерыва, прокатилась новая волна создания фондами тройки подопечных научно-исследовательских центров по внешнеполитическим проблемам при важнейших американских университетах. Фонд Форда финансировал создание при Гарвардском - университете центра по международным проблемам, а также программу оборонных исследований, к субсидированию которой присоединилась и Корпорация Карнеги. Специфической целью последней из упомянутых программ была подготовка учебных материалов и «руководств» для всех других университетов США, которые пожелали бы в дальнейшем создать какие-либо курсы по политике в области обороны. Затем на деньги Фонда Рокфеллера при Гарвардском университете была создана дополнительная программа научных исследований. Фонды опекали в это время создание научно-исследовательских внешнеполитических центров при других американских университетах. Так, в 1957 г. был создан вашингтонский центр научных исследований в области внешней политики, поставленный на ноги Фондом Рокфеллера и поддержанный Фондом Форда и Корпорацией Карнеги. В 1959 г. Корпорация Карнеги помогла учреждению центра по исследованию проблем конфликтов при Мичиганском университете. Особая роль фондов Карнеги, Рокфеллера и Форда в деле создания при американских университетах центров по разработке внешнеполитических альтернатив заведомо бросалась в глаза [Бажанов Е., 2005, с. 184].

Один из главных мотивов филантропии - стремление сократить налоги на сумму пожертвований. В среднем по стране благотворительные пожертвования уже несколько десятилетий держатся на уровне всего лишь 2%, так что альтруизм вполне уживается с выгодой. Однако на индивидуальном уровне размеры, мотивы и механизм пожертвований также производят сильное впечатление. Программы деятельности благотворительных организаций, как правило, ориентируются на запросы

общества, что приносит им и их основателям соответствующий авторитет, зачастую отражает прямые или косвенные интересы деловых кругов, а также субъективные интересы создателей фондов [Бажанов Е., 2005, с. 187].

К началу 1990-х гг. в США насчитывалось свыше 34 тысяч благотворительных фондов и организаций с суммарным капиталом, значительно превышающим 25 млрд, долларов. На наиболее крупные фонды такие, как фонды Форда (с капиталом порядка 12 млрд, долл.), Лилли (16 млрд, долл.), Рокфеллера (3,3 млрд, долл.), а также Карнеги, Джона и Кэтрин Макартуров, Сороса и др. приходится большая часть активов сосредоточенных в благотворительных фондах США. Все они относятся к категории «общецелевых» фондов, действующих не только в национальных, но и в мировых масштабах, в отличие от значительного числа других фондов, не выходящих в своей деятельности за рамки удовлетворения более узких локальных интересов.

С 1970-х гг. отмечается значительный рост пожертвований на благотворительность со стороны фондов и различных корпораций США. В 1990 г. ими было израсходовано около 13 млрд, долл., что почти в 5 раз превышает подобные траты в 1970 г. Что касается интересующей нас сферы культуры, то на культуру и искусство в начале 90-х гг. было выделено 9 053 гранта на сумму 639 млн. долл [Филимонов Г.Ю 2012, с. 44].

Рассматривая финансирование культуры США частными фондами, хотелось бы сказать несколько слов о финансировании этой сферы, как со стороны правительства, так и со стороны вышеуказанных организаций.

Дж. Нэсбитт и П. Эбурдин писали: «по мере снижения объема финансирования со стороны федерального правительства художественным организациям приходится бороться за своё существование изо всех сил. Искусство США получает средства от самого крупного в мире мецената - американского бизнеса - и является предметом зависти планировщиков европейских правительств. В 1988 г. правительство США выделило на развитие культуры и искусства 167.7 млн. долларов. В том же году оно

истратило на душу населения 1143 долл, на оборону, 74 долл, на образование и 70 центов на культуру. Хотя многим любителям искусства это покажется ужасным, они должны признать, что скупость правительства побудила корпорации вложить 1 млрд. долл, в год в сферу искусства и культуры, что в 45 раз больше по сравнению с 22 млн. в 1967 г. - году «Великого общества». Тем временем, растёт финансирование искусства на уровне штатов и местном уровне, где легче определить возможности экономического развития. В 1989 финансовом году 50 штатов вместе ассигновали на эти цели 268,3 млн. долл., что на 11% больше, чем в 1988 г.» [Филимонов Г.Ю 2012, с. 44].

Помимо этого авторы указывают на то, что администрация США и руководство штатов вместе взятые, на время написания их книги тратили 2 долл, на душу населения на развитие искусства и культуры, что в сравнении с данными по западноевропейским государствам, которые приводят Нэсбитт и Эбурдин, ничтожно мало. В США сфера искусства и культуры вынуждена была стать более ориентированной на бизнес, более предприимчивой в привлечении и зарабатывании средств.

Данные на тот период наглядно демонстрируют сложившуюся на определенном историческом этапе ситуацию с государственным финансированием культуры в США и тотальную ориентацию всего сектора на поддержку со стороны филантропических фондов и американского бизнеса в целом.

В 2000 г. общая сумма пожертвованных средств составила, по данным ежегодника «Giving USA» 203,5 млрд. долл, или 2% валового национального продукта. Для наглядности: это - 558 млн. долл, в день, или 720 долл, в расчете на каждого жителя США (в Канаде сбор пожертвований на 1 жителя в 5 раз, в Англии - в 9 раз ниже) . Для сравнения: с указанным уровнем филантропии сопоставима валовая продукция таких производственных отраслей в США, как электронные коммуникации (телефон, телевидение, радио), коммунальный сектор (газ, электроэнергия, санитарные услуги).

Ниже этого уровня - объём продукции каждой из таких отраслей, как промышленное машиностроение, энергетическое оборудование и химическая индустрия, а выше его - лишь строительство и транспортные перевозки. По общему мнению специалистов, ни одна страна мира не может сравниться по масштабам благотворительности с США, и опыт ее организации изучается во всем мире [Согрин В., 2001, с. 101].

Частные фонды и спонсорские организации Америки, действуя во всемирном масштабе и являясь, таким образом, одним из наиболее эффективных инструментов внешней политики США представляют собой инструменты очень мощного американского влияния за пределами Штатов. К тому же деятельность этого института отражает прямые или косвенные интересы представителей деловой элиты, а также, глобального управляющего класса. Кроме того, на примере деятельности частных благотворительных фондов и организаций, в очередной раз предоставляется возможность проследить близость, взаимосвязь и взаимодополнение политических, экономических, геополитических и культурных факторов во внешнеполитической стратегии американского государства.

Однако в 2001 г. ввиду объективных обстоятельств, в том числе, связанных с последствиями трагических событий 11 сентября 2001г., отчетливо проявилась тенденция к преимущественному инвестированию фондами внутренних культурных потребностей, к импорту культуры, нежели ее экспорту. Это выразилось в предоставлении грантов на привлечение в США зарубежных деятелей культуры и искусства, организацию экспозиций из-за рубежа и т.д. (62 из 87 грантов 2001 г. общей суммой в 10,5 млн. долл., были направлены на привнесение в Америку культуры извне и лишь 14 грантов на сумму 1,7 млн. долл., были ориентированы на финансирование зарубежных гастролей американских творческих коллективов и проведение выставок американского искусства за границами Америки) [Согрин В., 2001, с. 104].

В 2009 г. на фоне глобального экономического кризиса крупнейшие благотворительные фонды Америки сократили общую сумму затрат на филантропию на 14 млрд. долл, по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Такой вывод делают составители рейтинга журнала «Форбс» «200 крупнейших благотворительных фондов Америки». Причем сами доноры меньше жертвовать не стали. Напротив, сумма благотворительных взносов увеличилась на 16%, или на 7 млрд. долл.

Главная причина сокращения расходов на благотворительность - все крупные благотворительные фонды в США реализуют свои проекты за счёт средств, полученных от инвестиционной деятельности, или на проценты от банковских вкладов. Из-за кризиса финансовой системы фонды недополучили значительные суммы. У некоторых из них убытки были настолько велики, что по итогам полугодия их общий баланс оказался отрицательным [Филимонов Г. Ю 2012, с. 76].

Потеряли деньги почти половина фондов — 90 из 200 исследуемых. В результате общий итог управления финансами в благотворительной сфере тоже оказался минусовым. Это случилось впервые за последние 10 лет. Так, если в 2008 г. общий доход участников рейтинга составил \$66 млн., то в 2009 г. общие потери оцениваются в \$6 млн.

Завершая краткое освещение роли филантропии как практического инструмента реализации внешней политики США и «мягкой силы» в целом, отметим, что здесь упоминаются не все институты прямо или косвенно уполномоченные реализовать официальную внешнюю культурную политику, а лишь основные учреждения, от деятельности и решений которых в наибольшей степени зависит функционирование американской культурной дипломатии.

В этой связи следует упомянуть роль Конгресса США, которая заключается в формировании законодательной базы, обеспечивающей функционирование внутренней и внешней политики в области культуры и культурной сферы в целом. Конгресс - учредитель крупнейших в США

правительственных организаций в области науки, культуры и искусства, например, Национального фонда искусств National (Endowment for the Arts), Национального фонда гуманитарных наук (National Endowment for the humanities) и т.д. К тому же Конгресс ежегодно утверждает статьи бюджета предназначенные для финансирования культуры, в том числе ассигнования на содержание государственных организаций (т.н. GSE—government sponsored enterprises). Помимо двух вышеуказанных, к ним . относятся такие учреждения, как Смитсоновский институт, Национальная галерея, Центр исполнительского искусства им. Дж. Кеннеди, Международный центр Вудро Вильсона и др. Напрямую или косвенно, эти учреждения участвуют в осуществлении внешней культурной политики американского правительства, что, в частности, проявляется в организации и проведении не раз упомянутых международных культурных обменов, организации выставок, взаимных обменах экспонатами для проведения экспозиций и т.д.

Весомую роль в реализации внешней культурной политики США и программ публичной дипломатии в целом играют неправительственные организации (НПО). Помимо федеральных ведомств, на международной арене действуют сотни и тысячи НПО, которые напрямую или опосредованно выступают в защиту американских национальных интересов и способствуют созданию положительного образа США в мире. По некоторым данным, только во внешнеполитической деятельности США участвует около 15 тысяч НПО, всего же в Америке их, по информации Госдепартамента, свыше миллиона [Филимонов Г.Ю 2012, с. 44].

Развивают активность и международные НПО, а также исследовательские институты, занимающиеся изучением и непосредственно реализацией широкого спектра направлений культурной дипломатии в современных международных отношениях. Характерный пример - более чем активная научная и общественно-политическая деятельность расположенных в Берлине НПО - Института и Академии культурной дипломатии.

Институт филантропических фондов стал одним из важнейших политико-экономических рычагов работы глобальных элит на территории США и одним из наиболее эффективных инструментов реализации политики «мягкой силы» в международном плане. Эти учреждения явились локомотивами продвижения идеологии «глобализма» (фонд Рокфеллера, в частности, поддерживал ряд организаций, пропагандировавших философию «либерального интернационализма»). Крупные фонды финансируются и создаются не только политически ориентированными институтами, такими как аналитические центры, но также играют ключевую роль в организации университетов и образовательных учреждений, в частности, в сфере изучения международных отношений. Через эти организации элиты получили возможность формировать идеи, обеспечивая постоянную гегемонию в обществе посредством производства и контроля над знаниями.

Частные филантропические фонды - главная опора сферы культуры в США и являются одним из основных (хотя и негосударственных) институтов, реализующих культурную политику как внутри страны, так и вовне. Такая ситуация сложилась ввиду отсутствия в системе органов власти США культурного ведомства (аналога нашего министерства культуры) а также потому, что федеральные средства выделяемые на сферу культуры часто значительно уступают взносам филантропических фондов.

2.2 Публичная дипломатия США как инструмент внешней политики

Дуайт Эйзенхауэр - один из наиболее последовательных американских президентов, уделяющих пропаганде особое место. В 1953 году он выступил с инициативой создания частного информационного агентства, подчеркнув: «Государственные пропагандистские материалы могут убедить лишь немногих, в то время как аналогичная информация, поступающая из независимого от правительства источника, имела бы больший успех».

Предполагалось задействовать всевозможные каналы подачи информации, в том числе и «личные контакты сотрудников агентства, телевидение, радио, выставки, библиотеки, книги, газеты, и даже обучение английскому языку» [Филимонов Г. Ю., 2010, с. 33].

По его инициативе в 1953 году создается ЮСИА (United States Information Agency). Инструмент американской публичной дипломатии международной политики США. Один из наиболее эффективных каналов осуществления внешней культурной и информационно-пропагандистской политики американского правительства.

Информационное агентство США - внешнеполитическое ведомство, на которое возлагалась прямая и непосредственная задача по деятельности в сфере идеологии и пропаганды, по координации усилий в этих областях всех американских правительственных учреждений. В задачи Агентства входило также распространение за рубежом информации о США и информирование правительства страны о восприятии имиджа Соединенных Штатов.

К наиболее эффективным инструментам реализации американской политики «мягкой силы», частично регулируемого агентством, относится американское телевидение, продающее свои программы, фильмы и сериалы телеканалам в самых разных странах посредством спутникового вещания.

Телевидение, как и вся информационно - развлекательная индустрия США, - неотъемлемая черта современных США и американской культуры.

Помимо внушительной государственной поддержки, ведущий транслятор американской «мягкой силы» - частный сектор, создавший ряд влиятельных медиа-империй. Так, в 1979 г. Р. Мердок создаёт «News Corporation», крупнейший американский медиа-конгломерат, в который со временем входят телекомпания «20th Century Fox», телеканал «Fox News», спутниковые DTH операторы «BSkyB», «Sky Deutschland», «Sky Italia», «Foxtel», социальная сеть «MySpace», информационное агентство «Dow Jones» (включая службу Factiva), рекламное агентство «News Outdoor», а

также газеты «The Wall Street Journal», «The Times», «The Sun» и «New York Post» [Филимонов Г.Ю., 2010, с. 47].

1 июня 1980 г. американский предприниматель Т. Тёрнер запускает первый в мире круглосуточный телевизионный проект - «CNN» (The Cable News Network). Новости «CNN» передаются с помощью сигналов 38 космических спутников и тогда уже были доступны к просмотру более 200 млн. домохозяйств в 212 странах мира. Одним из ключевых моментов в истории «CNN» стало организованное в январе 1991 года освещение войны в Персидском заливе — впервые военные действия подобного масштаба демонстрировались в прямом телеэфире. Телерепортажи с места событий в Персидском заливе заметно укрепили престиж «CNN» как круглосуточного источника международных новостей. Проект Т. Тёрнера явился своего рода американским ответом на господствующее положение британской «BBC», (основанной в 1922 г.) аудитория которой составляет порядка 277,6 млн. зрителей.

Важными каналами «частной» пропаганды служат главные информационные агентства «Associated Press» (AP) и «United Press International» (UPI), среди клиентов которых от трети до половины составляют зарубежные органы печати, радио и телевидения.

«CNN» занимает первое место среди новостных сетей. Однако она уступает новостной сети «Fox News» по количеству долгосрочных зрителей. В основном «CNN» ведёт вещание из своей штаб-квартиры в центре города Атланта, и из студий в Нью-Йорке и Вашингтоне. В настоящее время телеканал «FOX» имеет аудиторию более чем 106 млн. человек, и вещает в 120 странах мира.

Крупнейшие информационные агентства Америки и Европы - UPI, AP, «Reuters» и «Agence France-Presse» - ежедневно передают более 45 млн. слов в 110 стран мира. Иностранные издания имеют более ста американских журналов. Издатели журнала «Time» считают, например, что их еженедельник читают 20 млн. американцев и 5 млн. читателей в зарубежных

странах. Корпорация «Time» занимается не только изданием журналов, а их она выпускает пять, но и экспортом телепрограмм, наиболее популярные из которых покупаются в 47 странах, а также книгоиздательской деятельностью на 26 языках.

Вышеперечисленные СМИ помогают государству во всех внешнеполитических начинаниях. К примеру, военные операции Пентагона преподносятся телеканалами как особое шоу, для чего отводится много эфирного времени в том числе в «прайм-тайм», когда у экранов собирается наибольшее количество телезрителей. К тому же именно репортажи из зон боевых действий таких каналов как «CNN» видят зрители новостных программ в разных странах в первую очередь.

Генерал вооруженных сил США Джон М. Шаликашвили в контексте разговора об американской информационно-пропагандистской политике заявил: «Мы не побеждаем до тех пор, пока «CNN» не сообщит, что мы побеждаем».

Что касается радиовещания, то в наши дни оно играет заметную роль, но менее значимую, нежели телевидение. Особая значимость здесь всегда отводилась радиослужбе «Голос Америки», а также «Радио Марти» в период расцвета деятельности Информационного агентства США (ЮСИА). Более скромная роль отводилась радиостанциям «Свобода», «Свободная Европа» и «Радио Свободная Азия».

Имеет смысл добавить, что интересы медиа-магнатов и других представителей крупного бизнеса часто являются определяющими в процессе осуществления как официальной, так и «неофициальной» внешней культурной стратегии США. Именно СМИ зачастую обеспечивают эффективное функционирование внешней культурной политики государства.

СМИ, как по воле заказчика создают спрос и ажиотаж вокруг тех или иных политических мероприятий или событий в мире кино и шоу-бизнеса. Соответственно финансовые патроны в лице, как правило, владельцев каналов, изданий и т.д., действующих в своих интересах, которые зачастую

соответствуют интересам власти, а также редакторы и прочие лица влияют на творчество и культуру в США, устанавливая определенные идеологические рамки и стандарты. В этом случае «искусство, содержащее радикальный политический контекст, сразу именуется пропагандой теми, кто контролирует рынок» [Филимонов Г.Ю., 2010, с. 43].

Поиски новых форм и методов для осуществления американского внешнеполитического курса сопровождались энергичными усилиями по активизации деятельности ЮСИА при решении тех или иных внешнеполитических задач США. Ему была вменена обязанность предоставления «консультаций президенту, его представителям за рубежом, а также другим учреждениям и ведомствам относительно использования общественного мнения за рубежом при разработке настоящей и будущей политики, программ и официальных заявлений со стороны Соединенных Штатов».

Привлечение ЮСИА к непосредственному участию в процессе формирования внешнеполитического курса привело к координации пропагандистской деятельности с внешнеполитическими акциями, а также к разработке более гибких средств и методов информационного и психологического воздействия на другие страны.

При республиканской администрации Р. Никсона большое внимание стало уделяться научным исследованиям и разработкам в области использования информации. Главная задача, возлагавшаяся на исследования, состояла, в том, чтобы при их помощи определять эффективность разнообразных направлений деятельности агентства, а также его программ. Было обращено внимание на изучение и анализ реакции зарубежной общественности на те или иные мировые события, на отдельные аспекты американского внешнеполитического курса и выработку по ним соответствующих рекомендаций.

Со временем, центр тяжести по осуществлению целей и задач ЮСИА за рубежом стал перемещаться на информационные службы США или, как

их стали сокращенно именовать - ЮСИС. Этим термином стали обозначаться информационные посты, библиотеки, культурные и т.н. «двунациональные» американские центры. В этих центрах особый акцент был сделан на преподавание английского языка, чтение лекций и проведение семинаров американскими специалистами, распространение различного рода печатных изданий. Одним из направлений деятельности ЮСИС стало проведение закрытых опросов общественного мнения по вопросам и проблемам, представляющим особый интерес для американских правительственных кругов. Большое внимание стало уделяться использованию СМИ, где одно из главных мест заняла обширная радиосеть - «Голос Америки» [Филимонов Г.Ю., 2013 с. 57].

В период президентства Дж. Картера ЮСИА в соответствии с выданным ему мандатом предприняло ряд мер по изменению деятельности в области ведения и использования внешнеполитической информации. Были определены новые возможности по повышению результативности работы агентства, заключены рабочие соглашения с Национальным фондом развития искусств и Национальным фондом развития гуманитарных наук.

Для разработки основных направлений деятельности ЮСИА и его концептуальной основы стал привлекаться более широкий круг экспертов и учреждений, как в США, так и за их пределами. В рамках агентства персонал был проинформирован по вопросам политики в области СМИ, в функции которого вошло осуществление совместной работы с другими заинтересованными правительственными ведомствами по развитию и претворению в жизнь «всеобъемлющей национальной политики в области массовых коммуникаций, способной обеспечить максимальный уровень потока информации и идей между народами мира». Были разработаны новые инструкции о деятельности ЮСИС и библиотек агентства за рубежом, в соответствии с которыми материалы, распространяемые за границей, стали носить более разнообразный характер. Они стали включать в себя американские правительственные заявления, тексты речей государственных,

политических и общественных деятелей, редакционные статьи и комментарии ведущих газет и журналов, и, особенно материалы об «американском образе жизни». При администрации Картера резко возрос обмен учеными и специалистами [Филимонов Г.Ю., 2013 с. 56].

Ежегодно США стали принимать около 5 тыс. экспертов из различных государств мира. ЮСИА осуществляла непосредственное руководство правительственными программами по обменов в области образования и культуры. Например, наиболее известная из них программа обменов Фулбрайта действует сегодня более чем в 140 государствах мира. Кроме того, ежегодно свыше 2,400 зарубежных лидеров и высококвалифицированных профессионалов посещают США по приглашению ЮСИА в качестве международных гостей. 1800-2000 человек прибывают в США в качестве гостей-добровольцев на срок до 30 дней для участия в мероприятиях, проводящихся под патронажем агентства. В проведении этого вида деятельности опирается на содействие представителей академических кругов, филантропических организаций и частных лиц, а также на правительства иностранных государств и американских волонтеров.

Согласно закону 1998 г. о реформе и реструктуризации в сфере внешней политики, ЮСИА было интегрировано в Государственный департамент, где заместитель госсекретаря по вопросам публичной дипломатии курирует деятельность бюро по вопросам образования и культуры, Управления координатора по вопросам международной информации и бюро по общественным связям, куда вошла телевизионная служба «Уорлднет». Отделения ЮСИА, организованные по географическому принципу, вошли в состав соответствующих региональных бюро. Управление ЮСИА по исследованиям и изучению реакции СМИ продолжает работать в составе бюро сбора данных и исследований [Филимонов Г.Ю., 2013 с. 43].

Интегрированные в Госдепартамент функции ЮСИА осуществляются в основном при помощи сотрудников заграничной службы, закрепленных за американскими миссиями за рубежом. Эти сотрудники под руководством и при поддержке материалами из вашингтонской штаб-квартиры руководят образовательными, культурными и информационными программами на местах. Именно бывшими сотрудниками ЮСИА, как правило, укомплектованы отделы прессы, культуры и общественных связей посольств США за рубежом. Контроль за деятельностью американских культурных центров, библиотек и видеотек, курсов английского языка, демонстрацию фильмов, организацию выступлений американских лекторов, проведение симпозиумов, организация выставок, обеспечение американскими пособиями местных школ, колледжей и университетов осуществляет атташе по культурным вопросам.

Радиостанция «Голос Америки» вещает в течение 660 часов еженедельно на 53 иностранных языках. «Радио Марти, созданное в 1985 г., вещает 24 часа в сутки на испанском языке на Кубу, «ТВ Марти» осуществляет 12 часов ежедневно.

Радиостанции «Свободная Европа/Радио Свобода» вещают 500 часов еженедельно на 23 языках Центральной Европы, России, Ирана, Ирака, и республик Содружества независимых государств. Этим радиостанциям было дано указание таким образом готовить информацию о внутренней и внешней политике США, чтобы это способствовало увеличению сторонников американского образа жизни и американских концепций международного развития.

Агентство принимало самое непосредственное участие в осуществлении программ обменов с государствами СНГ, которые были сфокусированы, в первую очередь, на научных, культурных и информационных обменах, призванных способствовать «развитию демократии и свободной рыночной экономики». До сих пор действует программа предоставления стипендий Э.Маски, в соответствии с которой

наиболее одаренные выпускники образовательных учреждений приглашаются для участия в американских образовательных программах в областях бизнеса, экономики управления. Предоставляются стипендии для аспирантов и молодых исследователей в области социальных и гуманитарных наук [Согрин В., 2001, с. 190].

ЮСИА - единственный орган в правительстве США, отвечавший за представление президенту, Государственному секретарю, и другим официальным лицам данных по зарубежному общественному мнению практически в каждой стране мира. Дважды в день ЮСИА готовило доклады о комментариях в зарубежных средствах массовой информации относительно внешнеполитического курса США, а также по большому количеству проблем, которые могут представлять интерес для ведущих деятелей внешнеполитического механизма США.

Что касается руководства сферой публичной дипломатии и теми подразделениями, которые раньше входили в состав ЮСИА, то здесь стоит напомнить о том, что их деятельность курируется упомянутой Консультативной комиссией по публичной дипломатии США, в состав которой входят представители Госдепартамента, конгресса, общественности и СМИ. В свою очередь, комиссия подотчетна заместителю госсекретаря США по вопросам публичной дипломатии.

Заместитель госсекретаря США по вопросам публичной дипломатии и связям с общественностью Ш. Бирс за провал информационного обеспечения военной агрессии США против Ирака в 2003 г. была отправлена в отставку. Её заменила М. Татуайлер - профессионал пиара и известная в кругах республиканской элиты с 1970-х гг., она недолго занимала эту должность. В 2005 г. президент Дж. Буш-младший предпринял очередную попытку «поправить», мягко говоря «пошатнувшийся» имидж Соединённых Штатов в мире, особенно в мусульманских странах, назначив на этот пост свою давнюю соратницу Карен Хьюз - также опытного специалиста в сфере пиара и публичной дипломатии. Совместно с госсекретарём США К. Райс К. Хьюз

решительно приступила к попыткам сгладить «шокирующее» по охвату враждебное отношение к Америке в мире, вызванное военными действиями США в Ираке, инцидентами в местах содержания пленных (в том числе Гуантанамо) и иными акциями силового характера. В докладе двухпартийной дискуссии, опубликованной в 2003 г., говорится: «Враждебность по отношению к Америке достигла шокирующего уровня, требуется не просто тактическая адаптация, но стратегическая и радикальная трансформация» [Филимонов Г.Ю., 2012, с. 47].

США столкнулись с необходимостью всестороннего урегулирования негативных последствий своей политики, опирающейся на примат «жесткой силы». В этих обстоятельствах к республиканцам приходит осознание необходимости обратить взор на полузабытые и игнорируемые «мягкие» инструменты силы. Райс заявляет о намерении администрации увеличить финансирование образовательных обменов и упростить процедуры получения виз для участия в этих программах. В 2005 г. администрация запросила у Конгресса 430 млн. долл, на приглашение в США студентов, учёных, деятелей культуры и отправку американцев за границу, что на 20% больше, чем в предыдущем году³³⁸. К. Хьюз предпринимала попытки всемерного стимулирования культурной дипломатии. В результате её работы Госдепартамент США увеличил финансирование культурных обменов в четыре раза по сравнению с 2000 г. [Филимонов Г.Ю., 2012, с. 49].

После прихода к власти в США в 2009 г. демократической партии во главе с Б. Обамой на пост заместителя госсекретаря по вопросам публичной дипломатии была назначена Дж. Макхэйл, долгое время работавшую на медиа-корпорацию «Дискавери».

Таким образом, несмотря на многочисленные реорганизации, органы управления внешнеполитической пропагандой США, а вместе с тем и публичной дипломатией, внешней культурной политикой и культурной дипломатией, продолжают функционировать, являясь действенным механизмом реализации американского внешнеполитического курса.

Наряду с обширным медиа-влиянием, одним из основополагающих составляющих в публичной дипломатии США является образование.

В 1945 г. президент США Г.Трумэн передал Госдепартаменту информационные функции двух ведомств военного времени - Отдела по координации межамериканских отношений и Отдела военной информации. Сферу компетенции этих органов объединили с функциями отдела культурных связей. В результате возник Отдел международной информации и культурных связей, переименованный через год в Отдел международной информации и образовательных обменов (Office of International Information and Educational Exchange). Этот орган подчинялся помощнику госсекретаря по вопросам публичной дипломатии. В последующие годы подведомство претерпевало немало организационных изменений.

В 1946 г. сенатор от Арканзаса У. Фулбрайт помог обеспечить принятие закона «79-584», известный как Акт Фулбрайта, по которому Госдепартамент был уполномочен заключать договоры с правительствами других стран, не требующими утверждения сената, а также использовать иностранную валюту - выручку от продажи военного оборудования с целью финансирования научных и культурных обменов. Затем правительство приняло решение о выделении ежегодных ассигнований на указанные нужды. Так появилась знаменитая программа Фулбрайта [Иванян Э. , 2007, с. 90].

В том же году Госдепартамент, при непосредственном участии помощника госсекретаря У. Бентона, предпринял попытку популяризации американских достижений в области искусства и культуры путём организации двух выставок произведений художников из США, собранных из частных и корпоративных коллекций. Первая носила название «Американская промышленность поддерживает искусство», вторая - «Продвижение американского искусства». Первая экспозиция даже вывозилась в Египет и Европу. Вторая вызвала немало противоречивых оценок даже во властных кругах США, поскольку в её основу легли

«экспериментальные» произведения современного искусства [Вейсман С., 2005, с. 35].

В связи с изменившимися внешнеполитическими условиями и началом эры биполярной конфронтации Конгрессом США учреждались новые международные культурные и образовательные программы. Был принят Закон Смита-Мундта (Smith-Mundt Act) и в 1948 г. Закон об информационном и культурном обмене. Согласно букве последнего, правительство США должно было «вести деятельность по международным информационным, образовательным и культурным обменам в мировом масштабе». Закон определял правила, по которым Госдепартамент мог осуществлять пропагандистские операции, направленные на иностранную аудиторию. Мотивируя принятие Акта, Конгресс провозгласил «истину мощным оружием», выделив следующие цели информационной политики: объяснять внешнеполитические мотивы Соединенных Штатов; укреплять моральный дух американцев и их союзников; давать убедительную картину американской жизни; поддерживать американскую внешнюю политику. Акт предоставил правительству США возможность «вести деятельность по международным информационным, образовательным и культурным обменам в мировом масштабе». Более того, в соответствии с документом целью программ являлось информирование мировой общественности о США, обеспечение лучшего понимания страны за рубежом, а также укрепление взаимопонимания между американской нацией и народами других государств.

Международная деятельность США в образовательной сфере обрела масштабное развитие перед началом Второй мировой войны, а с 1960 года программы взаимного образовательного и культурного обмена стали институционализированными и проводятся на регулярной основе. Циклические мероприятия получают возобновляемый бюджет, регламентируют содержание, и внимательно выбирают себе аудиторию [Вейсман С., 2005, с. 78].

В 1961 в силу вступил закон «Фулбрайта-Хэйса», «О взаимных образовательных и культурных обменах, что в свою очередь сделало программы обучения иностранных студентов в университетах США самостоятельным официальным направлением внешней политики США

Рассматривая культурную дипломатию как «область дипломатии, связанную с созданием, развитием и поддержанием отношений с иностранными государствами посредством культуры, искусства и образования», международные образовательные обмены предстают ключевым фактором «внешней проекции системы ценностей на двустороннем и многостороннем уровнях»

Выражаясь терминологией Збигнева Бжезинского, американские образовательные учреждения и образовательные обмены превратились в «Социальную лабораторию мира».

Благодаря масштабному охвату, образовательная политика Соединённых штатов стала действенным компонентом «мягкой силы», который позволяет формировать политическую, экономическую, интеллектуальную и военную элиту, воспитанную догмами демократии и рыночной экономики. Особое внимание США привлекают персоны, которые могут войти в состав национальных бюрократических групп. Примерами служат в разное время получившие образование в Соединённых Штатах Америки третий президент Египта А. Садат, премьер-министры Великобритании М. Тетчер и Э. Блэр, канцлеры ФРГ Г. Шмидт и Г. Шрёдер, президент Афганистана Х. Карзай.

2.3 Информационные технологии в контексте применения

«мягкой силы»

С современной теорией и практикой ненасилия можно ознакомиться в трудах профессора Гарвардского университета Джина Шарпа - «архитектора» теории и практики реализации «бархатных революций» как

компонента внешнеполитической технологии «мягкой силы»., В отличие от М. Ганди и М. Лютера Кинга, предлагает людям использовать его методы, не превращая ненасилие в образ жизни, так как оно «не имеет ничего общего с религией, моралью и социальной справедливостью». Разница состоит в том, что его предшественники видели в ненасильственном сопротивлении «программу изменения отношений, заканчивающуюся мирной передачей власти», а Шарп - методику захвата власти.

Для претворения теории в практику ещё в 1973 г. Дж. Шарп написал книгу под названием «198 методов ненасильственных действий», содержащую в себе весь перечень протестов и забастовок, начиная от бойкота выборов и заканчивая отказом от уплаты налогов или всеобщей забастовкой. Их актуальность объясняется двумя постулатами:

1. Сила государства основывается на сотрудничестве с населением и его послушании;

2. Если люди прекращают взаимодействие с режимом, то последний теряет столпы, на которых держится. То есть, власть - своего рода психологический феномен, авторитет которого определяет степень порядка; иллюзия, навязанная обществу посредством различных догм, в том числе и религиозного характера. Из этого следует ключевой закон: правительство дееспособно до тех пор, пока сохраняется вера в его превосходство [Филимонов Г.Ю., 2013 с. 86].

Наряду с обозначенными факторами, успех ненасильственной борьбы во многом зависит от культурно-коммуникационной войны, нацеленной на психологическое подавление противника. Обобщённо её ведение предполагает следующий порядок действий:

1. Созданная оппозиция, в координации с американскими СМИ и НПО, начинает постоянное информационное воздействие на население страны для подрыва существующего режима.

2. Решающая фаза операции зачастую приходится на начало электорального цикла, когда политическая система находится в уязвимом

положении (президентские либо парламентские выборы); весь механизм приводится в действие после оглашения итогов выборов, которые, как правило, не отвечают запросам оппозиционного лидера.

3. Вовлеченный контингент (в среднем - от 50 до 100 тыс. чел.), называемый в западных СМИ «народом», выходит на улицы и начинает бессрочный митинг, требуя отставки «узурпатора»; организованные массы блокируют основные транспортные и коммуникационные артерии; главное условие - не вступать в вооруженную борьбу с органами правопорядка, поскольку силовой конфликт (в котором преимущество за правящим режимом) может привести к насильственному подавлению восстания; постепенно парализуется весь город, приостанавливаются поставки топлива, и назревает продовольственный кризис.

4. Администрация США (через Госдепартамент и другие ведомства) объявляет о преднамеренной фальсификации выборов, выступает в поддержку «борцов за демократию» и призывает руководителя государства уйти в отставку.

5. Англо-американские телеканалы, информационные агентства, интернет-ресурсы, радио и газеты продолжают давление на власть, которая, в большинстве случаев решается пойти в отставку, а парламент, в свою очередь, назначает дату выборов, либо ограничивается пересчётом голосов.

6. США объявляют о «победе демократии» и обеспечивают информационную поддержку нового режима, превращая собственную «мягкую силу» в источник его легитимности [Филимонов Г.Ю., 2013 с. 86].

В 1983 г., по инициативе Дж. Шарпа, в Бостоне создаётся международный центр исследований ненасильственного сопротивления - Институт Альберта Эйнштейна. Стратегическое ненасильственное действие (strategic nonviolent action) нашло своё применение в важнейших, с точки зрения геополитики Вашингтона, регионах мира: Восточная Европа, Ближний Восток, Азиатско-тихоокеанский регион, Африка и Латинская Америка [Филимонов Г.Ю., 2013 с. 71].

В последующие годы преимущества этого действия успешно использовались администрацией Клинтона для смены власти в Сербии в 2000 г. («бульдозерная революция»). С приходом же в январе 2001 г. неоконсерваторов в Белый дом, ненасильственное сопротивление выдвигается в авангард внешнеполитической борьбы. Так, например, эта методика позволила сменить власть в Грузии («революция роз» 2003 г.), на Украине («оранжевая революция» 2004 г.) в Ливане («кедровая революция» 2005 г., приведшая к выводу сирийских войск из страны) и в Киргизии в 2005 г., («тюльпановая революция», повторно проведенная в 2010 г. для смещения К. Бакиева).

В 2009 г. Дж. Шарп был обвинён иранскими руководителями в причастности к попытке государственного переворота. Негодование Тегерана подкреплялось появлением (накануне волнений) в интернете знаменитого пособия профессора Шарпа «От диктатуры к демократии» в переводе на фарси⁵⁵⁶. Спустя два года, администрация Б. Обамы, отягощенная участием одновременно в двух военных кампаниях, сделала ставку на не прямое участие в смене режимов в Тунисе (январь 2011 г.) и Египте (февраль 2011). Ненасильственным сопротивлением также были охвачены Алжир (2010-2011), Йемен (2011), Сирия, Бахрейн, Иордания и Ливия.

Политические процессы в Северной Африке и на Ближнем Востоке, запущенные в конце 2010 г., продемонстрировали значимость американских социальных сетей в синхронизации массовых выступлений, сместивших президентов Туниса и Египта. Поражающий эффект этих интернет-ресурсов, дестабилизирующих весь арабо-мусульманский мир, обуславливается численностью их активных пользователей: «Фейсбук» по состоянию на июль 2011 г. объединил порядка 750 млн. человек, а аудитория «Твиттера» к аналогичному периоду увеличилась до 200 млн. Вместе с этим, важно учитывать, что «они не провоцируют революцию, а служат лишь инструментами, позволяющими революционным группам снизить расходы на участие, организацию, набор и обучение». Однако, «как любой

инструмент, социальные сети имеют присущие им слабые и сильные стороны, и эффективность зависит от того, насколько эффективно лидеры используют их и являются ли они доступными для людей, которые знают, как их использовать» [Филимонов Г.Ю., 2013, с. 63].

Социальные сети, превратившиеся, по сути, в информационные агентства, способны распространять данные по всему миру за считанные секунды, ускоряя тем самым ход всей операции. Это вовсе не обозначает, что телевидение и радио теряют популярность: происходит своего рода симбиоз крупнейших телевизионных гигантов с такими сетями как «Викиликс», «Фейсбук», «Твиттер», «Ютьюб», что в конечном итоге, усиливает эффект информационных операций, выводя на улицы сотни тысяч манифестантов. Примером такого взаимодействия служит деятельность международной телекомпании «Аль-Джазира», систематично размещающей видеоматериалы на собственном портале «Youtube».

Переворот в Тунисе, организованный через интернет - результат длительной подготовительной работы Центра прикладных ненасильственных акций и стратегий, «Канвас» (CANVAS - the Center for Applied Non-Violent Action and Strategies) (см. приложение 2, 3). Основанный в 2003 г. в Белграде. «Канвас» реализует на практике наработки Института Альберта Эйнштейна.

На официальном интернет-сайте организации в разделе «о нас» приводится следующая информация: «Суть нашей работы - распространить слова «сила народа» для мира, это больше чем достижение победы над одним диктатором. Следующая наша большая миссия, очевидно, объяснить миру, что значит мощное средство ненасильственной борьбы, когда дело доходит до достижения свободы, демократии и прав человека»

Члены организации также участвуют в семинарах, финансируемых ОБСЕ и ООН. Сотрудничая с американской «Фридом Хаус» (которую, в свою очередь, поддерживает республиканский Национальный фонд за демократию), «Канвас» подготовил к 2011 г. активистов из более чем 50

стран мира, в том числе из Зимбабве, Туниса, Ливана, Египта, Ирана, Грузии, Украины, Белоруссии, Киргизии и Северной Кореи.

В ходе обучения, центр исходил, главным образом, из того, что широкий доступ к транснациональной информации, предоставляемый народам во многом через интернет, вытесняет национальные правительства из процесса формирования общественного мнения. Примечательно, что Тунис, запустивший революционную волну, перекинувшуюся затем на Египет, ещё в 1991 г. стал первой арабской и африканской страной, подключившейся к сети. Несмотря на последующие меры руководства страны по контролю над интернетом, количество её пользователей среди тунисцев (по состоянию на 2005 г.), в сравнении с Египтом (6,8 %), составила 9,5%. По уровню же развития мобильной телефонии, Тунис занял второе место (56,3%) в мусульманском мире, уступая лишь Турции с 59,6% .

С учётом этих данных, убедительна позиция американского издания «Бизнес инсайдер», отметившего, что именно публикация на сайте «Викиликс» компрометирующих материалов, затрагивающих семью тунисского президента З. Бен Али, (обвинения в коррупции и излишней расточительности) послужила «пусковым механизмом» народного недовольства, позволившего вывести на улицы сотни тысяч людей, озабоченных ростом цен на продовольствие* и всеохватывающей безработицей . Массовая истерия была также усилена актом самосожжения (совершённого рядовым тунисцем 4 января 2011 г.), который включил в революционный процесс даже лояльную правительству часть населения [Филимонов Г.Ю., 2013, с. 89].

Организовав антиправительственную пропаганду и координируя революционные выступления через популярные среди арабской молодежи сети «Фейсбук» и «Твиттер», оппозиция захватила основные коммуникационные артерии государства. Дефицит продовольствия, усиливающийся с каждым днём, подтачивал ресурсы и волю правительства, что неизбежно отразилось на армии, отказавшейся подавить восстание силой.

Выступления официальных лиц Евросоюза и США лишь ускорили падение режима, убедив протестующих в необходимости бессрочного неповиновения властям, что, в конечном итоге, вынудило президента З.Бен Али покинуть страну 14 января 2011 г.

Тунисский сценарий вселил уверенность в региональные оппозиционные движения, позволив египетскому активисту В. Рашиду заявить: «События в Тунисе привели в движение Египет, который, в свою очередь будет усиливать аналогичные процессы во всем регионе» . Первая реакция не заставила себя ждать: 22 января начинаются демонстрации в Йемене с требованием отставки президента А. А. Салеха, правившего страной с 1978 г. Располагая самым низким индексом развития человеческого потенциала в арабском мире - более половины йеменцев живет на 2 долл, в день или меньше, а треть населения страдает от постоянного голода - правительство Йемена с каждым днём протеста теряло общественную поддержку . В итоге, после многочисленных вооружённых столкновений правительственных сил и протестующих, 3 июня президент А. Салех, будучи раненым, после обстрела своей резиденции, покинул страну. Изменения затронули даже дружественную американцам Иорданию, где инфляция и безработица, усилившиеся при правительстве С. аль-Рифаи, вынудили короля Абдаллу II сформировать новый кабинет министров и пообещать социально-экономические преобразования [Филимонов Г.Ю., 2013, с. 98].

Следующей ареной применения социальных сетей стал Египет. Расширение контактов «Канзаса» с египетской оппозицией пришлось на серию забастовок 2008 г. в знак протеста против роста цен на продовольствие и низкой заработной платы (разогнанных полицией). С этого периода объединение сведущих в информационных технологиях египтян, назвавшее себя «Движением 6 апреля» (в знак солидарности с участниками подавленной правительством забастовки ткачей в городе Махалла 6 апреля 2008 г.), создаёт в «Фейсбуке» группу для проведения ненасильственных

акций по всей стране. Набрав уже на первых порах 70 тысяч сторонников, они решили развить успех сетевых акций, отправив для подготовки в Белград своих активистов. Так, одним из первых обучение прошел М. Адель, прослушавший в 2009 г. недельный курс по стратегии ненасильственных действий: акцент делался на методах трансформации виртуальной пропаганды в уличные протесты.

Вскоре, полученные знания были использованы египетским движением за перемены - «Кифайя». Созданная в июле 2004 г., организация черпает силы из идейного протеста египетской молодежи, берущего своё начало со второй интифады (народного восстания) в Палестине в октябре 2000 г. Набрав популярность, она вступила в альянс с Объединённым национальным фронтом за перемены (октябрь 2005 г.). Влияние «Кифайи» и её сотрудничество с «Братьями-мусульманами» росло в стране и за её пределами неуклонно, хотя последние, опасаясь репрессий со стороны властей, не приняли прямого участия в восстании. Исламисты предпочли действовать в кибернетическом пространстве, выложив для этого на своём сайте пособие Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии» [Филимонов Г.Ю., 2013, с. 68].

По мнению экспертов из Фонда Карнеги, «Кифайя» - первая политическая сила в Египте, сумевшая извлечь максимальную выгоду из социальных сетей и цифровых технологий в качестве основного средства связи и мобилизации протестных выступлений. Будучи независимой политической трибуной, блогосфера не только формирует необходимую контекстуальную среду, но собирает информацию о настроениях в обществе, позволяющую выстраивать необходимую тональность антиправительственной пропаганде. Само возникновение политических блогов в Египте связано преимущественно с её деятельностью. Блогеры, размещая в сети аудиовизуальные файлы и фотографии антиправительственного характера, стали основными популяризаторами революционных идей. Активно задействовалась также электронная почта, текстовые сообщения, онлайн-

реклама и официальный сайт движения . В конечном счёте, бессрочный протест, подогреваемый их действиями, привел к тому, что власть, пребывающая в нерешительности от массированного информационного воздействия, не сумела привлечь армию для подавления протеста, капитулировав 11 февраля 2011 г.

15 февраля, после воззвания представителей интеллигенции с требованиями ухода от власти М. Каддафи, поддержанного зарубежными оппозиционными фракциями, начались волнения в самой материально обеспеченной стране Северной Африки - Ливии. Однако ненасильственное сопротивление было вскоре подавлено правительством (предвидя подобный вариант развития событий, Дж. Шарп призывает в своих работах соблюдать строжайшую дисциплину и не поддаваться на провокации спецслужб и полиции). Безоружная толпа, преимущество которой в ненасилии, оказалась беспомощной перед армией, навязавшей противнику бой на том поле, где она имеет превосходство.

Примерно за месяц до начала ненасильственной борьбы, запущенной в феврале 2011 г., в «Фейсбуке» появилась новая группа «Сирийская революция-2011» (набравшая на первых порах более 15 тыс. сторонников), призывающая президента Сирии Б. аль-Асада уйти в отставку. К 15 марта 2011 г. протесты охватывают Дамаск и Дараа (суннитский юго-запад страны, враждебный алавитам). Далее они затрагивают Латакию, Алеппо и пригороды сирийской столицы, рассыпаясь после многочисленных силовых акций правительства, приведших к жертвам. В итоге, именно принцип силы, задействованный сирийскими властями, спасает их от падения. Рассматривая эти события в динамике, американское разведывательное агентство «Стратфор» (Stratfor), объясняет стратегические преимущества сирийского руководства четырьмя факторами:

1. Вся политическая власть в стране сконцентрирована в руках клана Асадов.

2. Алавиты, из которых формируется сирийская элита, демонстрируют единство.

3. Жесткий контроль военной разведки.

4. Партия «Баас» удерживает монополию на власть 571.

Вашингтон, форсируя события, продолжает натиск на Дамаск, вводя международные санкции против представителей спецслужб и родственников президента. Заморожены торговые отношения между двумя странами. Совет ООН по правам человека также не остался в стороне, приняв резолюцию осуждающую применение силы против манифестантов. Глава отдела политического планирования в Госдепартаменте Дж. Салливан пошел ещё дальше, пригрозив, если президент Сирии не откажется от насилия, то он также будет включён в список лиц, на которых распространяются санкции. В свою очередь, Евросоюз, последовал примеру могущественного союзника.

Государственный департамент всё более критично оценивает и внутривнутриполитическую ситуацию в Иране, обвиняя правящие круги страны в попытках «подорвать арабскую весну» в сопредельных государствах. Х. Клинтон выражает надежду на то, что «в Иране создалась ситуация, в результате которой простые люди могут повлиять на развитие событий», призвав оппозицию искать международной поддержки, как это имело место в Ливии. Впервые с 1980 г. (дата разрыва дипломатических отношений с ИРИ), администрация США делает ставку на полноценное использование мировой паутины для трансляции «мягкой силы» среди молодых иранцев, запустив в 2011 году. «Виртуальное посольство», информирующее о визах и программах студенческого обмена [Филимонов Г. Ю., 2013, с. 102].

Более того, в феврале 2012 г. на конференции в Гамбурге по социальному измерению Интернета советник госсекретаря США Бен Скотт официально признал ставку Вашингтона на социальные сети, заявив, что «американская дипломатия рассматривает социальные сети как одни из основных инструментов внешней политики США». По его мнению, в эпоху виртуальных технологий традиционная дипломатия должна принципиально

измениться, потому что «Фейсбук» или «Твиттер» предлагают правительствам мощный инструмент прямого общения с огромным числом граждан, позволяют легко выяснить их настроения.

Таким образом, информационные технологии, и в частности, социальные сети – один из важнейших инновационных инструментов, который активно входит в число средств, используемых для продвижения «мягкой силы», и осуществления всех действий входящих в это понятие.

2.4 Аналитический прогноз применения «Мягкой силы» во внешней политике США на период 2016 - 2020 гг.

Чтобы выявить возможные механизмы и методы, которые будут использоваться правительством США в контексте «мягкой силы» в ближайшие пять лет, целесообразно выделить основные цели и задачи, которые определены и «нанесены на дорожную карту» американским правительством.

Возьмём за основу официальную стратегию государственной безопасности Соединённых Штатов Америки - один из основополагающих документов военного и внешнеполитического планирования, опубликованную 15 февраля 2015 г. на официальном сайте американского правительства. (Перевод документа выполнен Наталией Шишкиной, экспертом Центра научной политической мысли и идеологии). Документ начинается с официального обращения президента США Барака Обамы, в котором необходимо выделить и проанализировать следующие постулаты:

«...В основе всего лежит наша защита и неизменная приверженность демократии и правам человека, создание новых коалиций по борьбе с коррупцией, поддержка открытого правительства и общества. Так мы работаем для поддержки демократических преобразований, а также для поддержки драйверов развития этого века: молодежи и предпринимателей»

«...Более того, мы должны признать, что стратегия национальной безопасности не держится только лишь на военной силе. Несомненно, в долгосрочной перспективе наши усилия в работе с другими странами для идеологического сопротивления и уничтожения корней жесткого экстремизма будут более важны, нежели наша способность убрать террористов с поля боя»

Проанализировав данные высказывания, можно сделать вывод о том, что президент США Барак Обама отводит «мягкой силе» одну из важнейших ролей в реализации внешней политики в ближайшем будущем.

Ниже приведены выдержки из разных глав официального текста стратегии, содержащие в себе упоминания России, в разных контекстах:

«...Это сложное время ясно показало силу американского лидерства в мире и его центральную роль. Мы организовали и теперь руководим усилиями по сопротивлению российской агрессии, ослаблению и победе над ИГИЛ, борьбе с вирусом Эбола, остановке распространения ядерного оружия, и изменению отношения к глобальным выбросам углекислого газа. Вопрос не в том, будет ли Америка вести, а в том, как она будет вести...».

«Ожидания относительно международного влияния меняются сообразно изменению экономического баланса. Изменения в динамике власти приводит как к созданию возможностей, так и рисков для сотрудничества, подобно тому, как некоторые государства более охотно брали на себя ответственность, чем другие, соизмеряя со своим экономическим потенциалом. Особенно повлияли на будущее основных отношений между международными силами индийский потенциал, подъем Китая и российская агрессия...».

«Наша зависимость от иностранной нефти самая низкая за последние 20 лет и продолжает снижаться. Мы идем к новой экономике чистой энергии. В то время как производство на Ближнем Востоке и в других регионах остается жизненно важным для глобального рынка, увеличение производства Соединенных Штатов помогает сохранять рыночные поставки и цены,

благоприятные для экономического роста. С другой стороны, обеспокоенность вопросами энергетической безопасности усилилась в связи с зависимостью Европы от поставок российского природного газа и готовностью России использовать энергетику в политических целях. В это же время, развивающиеся страны потребляют больше энергии, чем развитые, в которых меняются потребительские отношения и создаются альтернативные энергетические потоки»

Особое внимание уделяется роли международных организаций и надгосударственных структур.

«Мы усилим возможности США и международного сообщества для предотвращения конфликта между странами. В области межгосударственных конфликтов российское нарушение суверенитета и территориальной целостности Украины, вкупе с воинствующей позицией России относительно других своих соседей, ставит под удар международные нормы, которые широко применялись с конца Холодной Войны».

«Проблемы, с которыми столкнулась Украина и Европа из-за своей зависимости от поставок российских энергоносителей, демонстрируют необходимость расширения подходов к энергетической безопасности, которая позволит обеспечить коллективные потребности Соединенных Штатов, наших союзников и торговых партнеров, и покажет важность конкурентных энергетических рынков. Поэтому мы должны поощрять расширение источников энергии, топлива и маршрутов поставки, а также поощрять разработку местных источников энергии»

«...Российская агрессия на Украине ясно продемонстрировала, что Европейская безопасность и международные правила и нормы не могут противодействовать территориальной агрессии. В качестве ответа мы запустили международную кампанию по поддержке украинского народа в выборе собственного пути развития их демократии и экономики. Мы морально поддерживаем наших союзников, выполняя свои обязательства в отношении безопасности и повышения оперативности с помощью обучения и

учений, а также через активное присутствие в Центральной и Восточной Европе для сдерживания российской агрессии. Сюда же будет включена наше сотрудничество с Европой по вопросам энергетической безопасности как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Мы будем поддерживать таких партнеров, как Грузия, Молдова и Украина, чтобы они могли лучше взаимодействовать с США и НАТО, а также обеспечивать свою собственную безопасность...»

«...И мы будем продолжать увеличивать затраты России с помощью наложения новых санкций и использования других средств и правды в условиях борьбы с Московской лживой пропагандой. Мы будем сдерживать агрессию России, внимательно следить за ее стратегическими возможностями и помогать нашим союзникам и партнерам противостоять российскому насилию в течение длительного времени, если будет необходимо. В то же время, мы будем открыты для взаимодействия с Россией в сфере общих интересов, если она изберет другой путь – путь мирного взаимодействия, уважения суверенитета и демократического развития соседних стран...»

Основной вектор развития останется прежним. Будет поддерживаться линия обширной экспансии США:

«Мы подтверждаем нашу поддержку международного консенсуса о том, что в случае явной невозможности правительства защитить свой народ и выполнить обязательства по предотвращению массового насилия в обществе, эта ответственность переходит в руки международного сообщества. Мы будем сотрудничать с международным сообществом для защиты и привлечения к ответственности виновных в наихудших нарушениях прав человека, в том числе через поддержку Международного уголовного суда в рамках американских законов и обязательств по поддержке нашего персонала».

Отдельной статьей в стратегии дается информация о взгляде администрации США на будущее демократии.

«Поддержка развивающихся демократий. Соединенные Штаты сконцентрируют свои внимание и ресурсы на оказании помощи странам, чтобы они могли объединить свои усилия и добиваться более демократических и представительных систем управления. Наше внимание уделяется странам, которые движутся в правильном направлении. Примерами тому могут служить мирные властные преобразования в странах Африки южнее Сахары, движение к конституционной демократии в Тунисе или более открытая Бирма. В каждом из этих примеров мы создаем стимулы для позитивных реформ и препятствия для отката назад.

В последнюю четверть века, на пути от требований своих прав на площади до строительства институтов, гарантирующих их исполнение, и демократических преобразований, страны Восточной Европы, Латинской Америки, Африки и восточной Азии встретились и с неудачами. Так, например, нет ничего удивительного, что распространившиеся восстания в Арабском мире – регионе с более слабыми демократическими традициями, влиятельными политическими элитами, противоречиями между представителями разных конфессий и активными экстремистами – потерпели больше неудач, чем триумфов. Тем не менее, перемены необходимы на Ближнем Востоке и в Северной Африке, как и во всех других странах, где существует иллюзия стабильности, сопровождаемая искусственно созданным молчанием диссидентов»

«Равенство. Американские ценности отражают универсальные ценности, которые мы защищаем по всему миру – в том числе свободу слова, вероисповедания и право на проведение мирных собраний, возможность избирать лидера демократическим путем и право на надлежащие правовые процедуры и правосудие. Мы станем защитниками обществ, которые слишком часто подвергаются жестокости, насилию и пренебрежению, таких как этнические и религиозные меньшинства, инвалиды, представители ЛГБТ, вынужденные переселенцы и рабочие-мигранты» [Шишкина Н, 2015, с. 30].

Учитывая неудачную попытку сокращения бюджета на государственные образовательные программы в 2013 году, в связи с уменьшением поступления пожертвований в филантропические фонды, вероятно, будет принято решение увеличить объемы финансирования, в связи с планами демократизации стран Африки и попыток наладить коммуникацию с Исламским миром. Необходимо будет воспитывать новое поколение политических элит, настроенных на либерализацию и демократию.

Например, Что бы диверсифицировать негативные последствия сказавшиеся на имидже Соединенных Штатов, вследствие военного присутствия в Сирии.

Для того, что бы сохранять глобальное лидерство в инновационных технологиях, США необходим непрерывный приток студентов, аспирантов, ученых из стран – участниц государственных программ по обмену.

Такой вывод можно сделать, обратившись к разделу «Лидерство в науке, технологиях и инновациях» в тексте государственной стратегии национальной безопасности.

«Научные открытия и технические инновации позволяют Америке обеспечивать лидерство и пользоваться конкурентным преимуществом. Это, в свою очередь, позволяет увеличивать военные преимущества, продвигать нашу экономику и улучшать состояние людей. Поддержание этого преимущества требует федеральных вложений в фундаментальные и прикладные исследования. Мы также должны развивать наше научное, технологическое, инженерное и математическое образование (НТИМО) для создания завтрашних открывателей, изобретателей, предпринимателей и высококвалифицированных рабочих. Наши обязательства по подготовке преподавателей дисциплин НТИМО и их заработной плате, обеспечению широкополосного подключения и высокотехнологичных образовательных средств для школы, внедрению программ, вдохновляющих учеников и открывающих возможности для девочек и меньшинств, поддержке

инновационной деятельности в области НТИМО и интеграции в систему высшего образования, остаются в силе. Мы также будем сохранять наши преимущества благодаря открытию наших национальных лабораторий для коммерческого партнерства, продвижению исследований и развития в частном секторе, включая большое количество стартапов и фирм в новейших областях американской инновационной экономики».

Обратившись к другим разделам, связанным, с изменением климата, или борьбой с бедностью, по-прежнему можно увидеть что все задачи, поставленные в рамках стратегии предполагается решать ненасильственным путем, используя разнообразный комплекс механизмов, включающий публичную дипломатию, и другие способы, которые включает в себя понятие «Мягкая сила».

Теперь обратимся к стратегии развития «мягкой силы» кандидатов на пост президента США.

На данный момент очевидными лидерами в данной политической гонке являются член Республиканской партии Дональд Трамп, на праймериз получивший поддержку 28 штатов и кандидат из демократической партии – Хилари Клинтон, получившая поддержку в 26 штатах. Вероятность победы на выборах одного из кандидатов, по многочисленным статистическим данным и опросам – 80%.

Оба кандидата в своих предвыборных программах акцентируют внимание на необходимости снижения уровня мирового вооружения, и призывают к диалогу конфликтующие страны.

Логично будет предположить, что на место «жесткого» воздействия, придут разнообразные проявления «мягкой силы».

Рассмотрим принципы, которых в своей предвыборной компании придерживается один из кандидатов на пост президента США – Хилари Клинтон. А так же проанализируем с позиции «мягкой силы» возможные шаги, которые будут предприниматься данным кандидатом во время президентского срока.

Х. Клинтон указывает на «отказ от идеологизации внешней политики, умение убеждать, а не запугивать партнеров». «Есть время для силы, а есть время для дипломатии». В данных высказываниях можно проследить намеренность Х. Клинтон уделять больше внимания мирному решению международных конфликтов

Так же Х. Клинтон заявляет, что американская внешняя политика согласно этим принципам, «должна отдавать предпочтение мультилатерализму».

Также внимания заслуживает принцип «поддерживать контакты даже с противниками». Основываясь на этих высказываниях, можно сделать вывод о заинтересованности Х. Клинтон искать иные, не военные способы решения международных конфликтов.

Говоря о конкретных действиях, Х. Клинтон большую часть уделяет перспективам образования. По её мнению, корень некоторых существующих проблем лежит именно в недостаточном качестве образования.

«В реальной борьбе с глобальным терроризмом следует понимать не только методы его представителей, но и их мотивы. Необходимо разработать всеобъемлющую стратегию противодействия как самим террористам, так и фундаментальным факторам, питающим их экстремизм, сосредоточившись на образовании, разведке и правоохранительной деятельности. В целом эта сфера требует значительного улучшения деятельности тайных служб, которые должны больше работать «на практике, а не за канцелярскими столами». Необходимо принять меры по восстановлению морального состояния разведывательного сообщества, увеличению числа сотрудников и аналитиков, владеющих арабским и другими ключевыми языками, повышению уровня разведанализа. Следует придать максимальную эффективность и международному сотрудничеству в этой области»

«Борьбе с угрозой распространения ядерного оружия прежде всего будет способствовать резкое сокращение Соединенными Штатами собственного ядерного арсенала. В этих целях Х. Клинтон обещает

стремиться к заключению соглашения о существенном и поддающемся проверке сокращении ядерных потенциалов США и России. Кроме того, она намерена добиваться одобрения Сенатом Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и подкрепить усилия по внесению дополнений в Договор о нераспространении ядерного оружия. Заслуживает, с ее точки зрения, поддержки и создание «международного банка ядерного топлива», с гарантированным доступом к нему по разумным ценам. Своей важнейшей задачей в течение первого срока она также видит недопущение попадания ядерного, химического, биологического оружия и материалов для их изготовления в руки террористов, удаление ядерных материалов с наименее защищенных объектов по всему миру и эффективную защиту остающихся ядерных объектов»

Наряду с налаживанием взаимодействия с соперниками необходимо крепить отношения с союзниками. Америке следует восстановить традиционные отношения доверия с Европой. Расхождения, даже между ближайшими друзьями, неизбежны, но нельзя забывать, что по большинству глобальных вопросов у американцев нигде нет более надежных союзников, чем в Европе. Следующая администрация получит шанс сблизиться через Атлантику с новым поколением лидеров во Франции, Германии и Великобритании.

«В Азии особое значение имеет Индия - и как нарождающаяся великая держава, и как наиболее населенная демократия мира. Этой стране необходимо предоставить более заметную роль в региональных и международных институтах, таких как ООН. Следует найти дополнительные пути для сотрудничества Австралии, Индии, Японии и США по вопросам взаимной заинтересованности, включая борьбу с терроризмом, контроль над глобальными климатическими изменениями, защиту энергетических поставок и мировое экономическое развитие»

В области энергетической и экологической мировой безопасности Х.Клинтон обещает сделать одной из своих приоритетных задач борьбу с

глобальным потеплением. Соединенные Штаты должны вернуться за стол международных переговоров по проблеме климатических изменений и сыграть роль лидера, необходимую для достижения обязывающего глобального соглашения. Международному энергетическому агентству следует установить формальные связи с Китаем и Индией с конечной целью создания «энергетической восьмерки». «Э-8» состояла бы из стран, выбрасывающих в атмосферу больше всего углекислоты, и проводила бы ежегодные саммиты по международным экологическим и ресурсным вопросам.

«Права человека вновь должны стать краеугольным камнем внешней политики США и основным элементом американской концепции демократии. При этом особое значение имеют права женщин, к которым во многих странах относятся как к гражданам второго сорта, хотя в ряде из них женщины избраны главами государств. Решению этой проблемы может способствовать лидерство Соединенных Штатов, в том числе включение ими вопросов защиты женских прав в повестку дня своих двусторонних отношений с рядом стран, и международные программы помощи».

Заслуживают самого пристального внимания взгляды Х.Клинтон на военные и разоруженческие проблемы. Так, избегая однозначно высказываться по проблемам размещения американской ПРО в Европе, она все же критикует действующую власть за переходящую в одержимость сосредоточенность на «дорогих и непроверенных технологиях в области ПРО». Зная, что против планов размещения третьего позиционного района ПРО США в Европе высказываются ее ведущие советники С.Тэлботт и Джозеф Циринционе, основной эксперт «Центра за американский прогресс» по этой проблематике, можно сделать осторожный вывод о возможных коррективах данной программы в случае прихода к власти указанной команды.

Теперь обратимся к предвыборной программе Дональда Трампа. Потенциальный кандидат от республиканцев заявил, что в США — высокий

уровень безработицы, который, по его оценкам, достигает 21 процента. Новые рабочие места он предлагает создавать за счет возвращения американского бизнеса из-за границы. По его словам, введение высоких пошлин для товаров американских производителей, изготовленных за рубежом, вынудит их вернуть производство на территорию США.

Трамп полагает, что Вашингтону следует пересмотреть условия торговых соглашений с такими странами, как Япония и Китай. «Япония посылает нам миллионы машин. А что делаем мы? Когда в последний раз вы видели Chevrolet в Токио? Их там просто нет». В свою очередь Пекин он обвиняет в занижении курса юаня, из-за чего американским компаниям совершенно невозможно конкурировать с КНР.

Кроме того, по мнению политика, госдолг США через некоторое время может вырасти до 20 триллионов, а потом и до 24. «Это точка невозврата. В этот момент мы станем Грецией. Мы станем страной, которую уже нельзя спасти. И мы уже скоро до этого дойдем».

Мультимиллиардер раскритиковал вторжение США в Ирак. По его словам, он изначально предупреждал, что эта кампания дестабилизирует Ближний Восток и приведет к тому, что Тегеран поставит под свой контроль Багдад. Помимо этого, Трамп посетовал на то, что Исламское государство (запрещенная в России террористическая организация) и Иран захватили контроль над нефтересурсами Ирака, которые должны были использовать американцы.

Еще одним из пунктов критики кабинета Обамы стал иранский вопрос. Будучи бизнесменом, Трамп указывал на экономические минусы снятия санкций. После соглашения с Ираном у последнего вновь открылись 150 млрд. активов, которые могут позволить стране совершить экономический прорыв. Во-вторых, на рынке сырья появился серьезный конкурент, что в долгосрочной перспективе скажется на конъюнктуре мировой торговой системы, от которой напрямую зависит экономика США. Следует отметить, что Трамп призывал отвлечься от ядерной программы Ирана и обратить

внимание на КНДР — и это всего за месяц до на шумевших испытаний водородной бомбы. С учетом закрытости Северной Кореи и малой вероятности контактов Трампа с ее верховным руководством необходимо признать его проницательность. В то же время, учитывая негативное отношение населения США к Ирану, Трампу крайне выгодно сохранение жестких ограничений ядерной программы в этой стране.

С точки зрения Дональда Трампа, Китайская Народная Республика является новым политическим и экономическим противником США. Он указал на то, что из-за намеренных колебаний курсов юаня бюджет США потерял 400 млрд. долларов. В качестве ответной реакции Трамп предлагает введение торговых ограничений на китайские товары, то есть, меры протекционистского характера. Кроме того, в случае избрания президентом он обещает вернуть часть производства, в частности, корпорации "Apple", на территорию США, даже несмотря на многомиллионные расходы. Далее, Трамп подверг критике заключение 5 октября 2015 года Транстихоокеанского партнерства (ТТП), увидев в нем угрозу американской рыночной системе.

Резюмируя все вышесказанное, можно представить перспективную программу Дональда Трампа в контексте «мягкой силы», состоящую из следующих ненасильственных действий, направленных на различные сферы. В экономике наиболее вероятна политика протекционизма, возвращение производства из стран с дешевой рабочей силой, принятие мер протекционистского характера - ввод пошлин на товары из Китая, масштабное субсидирование национального производства и расторжение контрактов «убивающих рынок».

В социальной сфере Трамп использует более либеральный подход, высказываясь о недостаточной поддержке ЛГБТ-сообщества и о возможных перспективах легализации легких наркотиков в США.

Оценивая все факторы (Приложение 1) уместным будет назвать Стратегию Д. Трампа «более жесткой» в сравнении со стратегией Х.

Клинтон. Её внимание в большей мере уделено международным организациям, договорам, международному образованию, и публичной дипломатии. Данные факторы говорят о более значимой роли «мягкой силы» во внешней политике для кандидата от партии демократов.

В большей или меньшей степени, действия, определяющиеся понятием «мягкая сила» присутствуют в предложенных стратегиях, что говорит о неизбежной интеграции ненасильственных методов и механизмов в существующую и перспективную политическую систему как США, так и всего мира.

Заключение

В данной работе исследовалось явление, называемое «Мягкая сила». Было дано определение данному понятию, были рассмотрены варианты и возможные формы его проявления. Был рассмотрен исторический аспект явлений, входящих в данное понятие. В контексте «мягкой силы» так же было рассмотрена публичная дипломатия США, так же была определена её роль во внешней политике. Были рассмотрены и проанализированы инновационные методы и роль информационных технологий в контексте «мягкой силы». На основе государственной стратегии национальной безопасности Соединённых Штатов Америки и политической программы основных кандидатов на пост президента США был сделан прогноз относительно возможных проявлений «мягкой силы» во внешней политике США в ближайшие 5 лет.

Подводя итог, следует отметить, что Управление глобальными процессами при помощи финансовых и экономических инструментов невозможно без информационного, в более широком смысле - культурного сопровождения. «Мягкие» инструменты оказывают внешнее коммуникационное влияние для амортизации негативного международного резонанса, вызванного чередой экономических кризисов, зародившихся в экономике США.

Институт фондов - финансовый фундамент «мягкой силы» США, обеспечивающий основные материальные ресурсы для проведения внешней культурно-информационной политики. Кроме того, фонды стали одним из важнейших политико-экономических рычагов работы глобальной элиты на территории США. Это база разветвленной сети научно-образовательных учреждений и исследовательских центров (особенно в сфере изучения международных отношений), обеспечивающих условия для определения долгосрочного внешнеполитического курса США. Фонды явились локомотивами продвижения идеологии «глобализма».

Культурный, информационный и образовательный факторы - ключевые аспекты содержательной категории «мягкая сила», неизменно комплексно сочетающей культурные инструменты с информационно-пропагандистскими, образовательными, политтехнологическими и другими средствами непрямого управления как внешней политикой США, так и глобальными процессами.

Механизм реализации политики «мягкой силы» целесообразно классифицировать, выделяя официальный и неофициальный уровни. Ключевыми направлениями официальной политики Вашингтона в этой сфере являются: публичная дипломатия, внешняя культурная политика, культурная дипломатия.

Наиболее значимые средства реализации неофициального аспекта внешней культурно-информационной политики США - голливудский кинематограф, СМИ, прежде всего телевидение, музыкальная индустрия, молодежные субкультуры, «питающие» массовую культуру. Зачастую незаслуженно игнорируемое воздействие на уровне массовой культуры гораздо более эффективно, нежели рычаги официального политического или экономического влияния.

Политика «мягкой силы» - сложная многоуровневая система, которая позволяет США решать тактические и стратегические задачи на международной арене. Это один из важнейших факторов современной внешней политики США и реализации их национальных интересов. Данная система воздействует на широкие слои общества, реализуя как национальные интересы американского государства, так и интересы глобальных элит, где доминируют представители деловых и политических кругов США.

Список использованных источников и литературы

1. Американская цивилизация как исторический феномен: Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли, РАН. Институт Всеобщей истории, отв. ред. Болховитинов Н.Н. - М.: Наука, 2001.-495 с.
2. Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. В 3-х т. - М.: Научная книга. Т.1 - 2001. - 464 с.; Т.2 - 2002. - 480 с.; Т.3. - 2003. - 480 с.
3. Бажанов Е.П. Америка: вчера и сегодня. В 2-х т. - М.: Известия, 2005. - 1094 с.
4. Баталов Э.Я. Русская идея и Американская мечта. - М.: Институт США и Канады РАН, 2001. - 68 с.
5. Баталов Э.Я. Новая эпоха - новый мир // Свободная мысль. - 2001. - № 1.- С. 4-13.
6. Богатуров А.Д. «Стратегия перемалывания» в международных отношениях и внешняя политика США // Внешняя политика и безопасность в современной России. 1991-2002. В 4-х т. Т. 3. - М: РОССПЭН, 2002. - С. 200-214.
7. Богатуров А.Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. - 2004. - № 6. - ноябрь-декабрь - URL: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/11/3432.html> (дата обращения: 27.03.2016).
8. Борисов А.А. Американский мультикультурализм: опыт определения // Актуальные проблемы философии, социологии и политологии, экономики и психологии, Вып. 3: Пермь, 2000. - С. 18-20.
9. Борисов А.А. Идеология американского мультикультурализма: столкновение этносоциальных теорий // Americana. - Вологоград. - Вып. 4. - С.154-169.
10. Ванчугов В.В. Зарубежный школяр как «агент влияния». Какую выгоду извлекают США в большом количестве студентов из других стран?

- URL: <http://www.terra-america.ru/zarubejnyy-shkolyar-kak-agent-vliyaniya.aspx>.
(дата обращения: 27.03.2016).
11. Вейсман С. Карен Хьюз назначена ответственной за улучшение имиджа Америки за границей // The New York Times. 23 august 2005. С. 2
  12. Глущенко В. В. Введение в кризисологию. Финансовая кризисология. Антикризисное управление. - М.: ИП Глущенко В. В., 2008. С.23
  13. Гриняев С. Н. Поле битвы - киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. - Мн.: Харвест, 2004. С. 45
  14. Горшков А. Ф. Современные информационные технологии - диктуют новый облик будущих войн. В вооруженных силах США происходит не просто реформа, а революция // Независимое военное обозрение. http://nvo.ng.ru/concepts/2005-04-01/4_usa.html (дата обращения: 27.03.2016).
  15. Давыдов Ю.П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США*Канада: экономика, политика, культура. - 2007. - № 1 - С. 3-25.
  16. Иванян Э. А. Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. - М.: Международные отношения, 2007. С. 67.
  17. Информационно-психологическая и психотронная война. Хрестоматия. Под ред. А.Е. Тараса. - Мн.: Харвест, 2003. С. 54
  18. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. - М.: Эксмо, 2007. URL: http://kara-murza.ru/books/manipul/manipul_12.htm (дата обращения: 27.03.2016).
  19. Карпович О.Г. Современные концепции управления международными конфликтами. Монография. - М.: Издательство «Юрист», 2012. - 488 с.

20. Костина А. В. Популярная культура - Энциклопедия гуманитарных наук , № 3. С. 49
21. Кременюк В.А. США и окружающий мир: уравнение со многими неизвестными // США*Канада: экономика, политика, культура. - 1999. - № 1.- С. 5-19.
22. Кукутас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. URL: <http://inliberty.ru/library/study/327/> (дата обращения: 27.03.2016).
23. Нарочницкая Н. А. Американские «аналитические институты» глаза, уши и совесть Америки// Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека/ отв. ред. Н. А. Нарочницкая. - Спб.: Алетейя, 2008. С. 54
24. Луков В.В. Интернет как инструмент политических технологий в США // США*Канада: экономика, политика, культура. - 2005. - № 5. - С. 91-108.
25. Макиавелли Никколо. «Государь» Изд-во «Астрель», М., 2002
26. Манжулина О.А. Развитие современной публичной дипломатии США // Современные США: тенденции внутренней и внешней политики. - СПб., 2004. - Вып. 6. - С. 26-34.
27. Манжулина О. А. Публичная дипломатия США. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/126454.html> (дата обращения: 27.03.2016).
28. Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта, URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar35.htm> (дата обращения: 27.03.2016).
29. Михайлова Л.Г. «Век Америки» на конференции российских американистов// США*Канада: экономика, политика, культура. - 2000. - № - С. 108-111.
30. Най Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. - М.: Тренды, 2006. С. 76.
31. Овинников Р. С. Уолл-Стрит и внешняя политика. - М.: Международные отношения, 1980. С. 63

32. Очков М.С., Журихин Э.А., Муромцев В.М. «Филантропические» фонды - важное идеологическое оружие империализма. - М.: Наука, 1976. С.12-56.
33. Осипенко О.В. Массовая культура США и ее влияние на страны Западной Европы в последней трети XX столетия // Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения - Ставрополь: 2001. - С. 15-24.
34. Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов. [Часть 1] / Е.Г. Пономарева // Свободная мысль. - 2012. - № 1-2. - С. 87-98.
35. Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов. [Часть 2] / Е.Г. Пономарева // Свободная мысль. - 2012. - № 3-4. С. 43-59.
36. Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов. [Часть 3] / Е.Г. Пономарева // Свободная мысль. - 2012. - № 5-6. С. 38-47.
37. Почепцов Г. Гражданское самбо: как противостоять «цветным» революциям. М. 2005. С.
38. Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке / Под ред. С. Кургияна. М.: МОФ ЭТЦ, 2011.
- Рахимова М. В. О популярной культуре США. / Портал «Знание. Понимание. Умение» С. 34
39. Соколовский С. В. К критике политики мультикультурализма URL: [http ://heritage-institute .ru/images/6/6d/EM 14_p47-60.pdf](http://heritage-institute.ru/images/6/6d/EM_14_p47-60.pdf) (дата обращения: 27.03.2016).
40. Стратегия национальной безопасности США 2015 URL: http://inosmi.ru/op_ed/20150213/226255885.html (дата обращения 27.03.2016)
41. Соловьев В. Содружество независимых инноваций. Коммерсант, 16 ноября 2010, № 211 С. 2-3

42. Шишкина Н. Стратегии национальной безопасности России и США: сравнение – URL: <http://rusrand.ru/events/strategii-natsionalnoj-bezopasnosti-rossii-i-ssha-sravnenie> (дата обращения: 27.03.2016).
43. Сморгунов Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? - URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2009/1/9.litm> (дата обращения: 27.03.2016).
44. Смирнов Г.Н., Бурсов А.В. Россия в мировом политическом процессе: Курс лекций: Учебное пособие/ Смирнов Геннадий Николаевич, Бурсов Анатолий Владимирович. М.: Восток-Запад, 2011. - 303 с. - (ДА МИД РФ, Кафедра политологии).
45. Согрин В.В. Политическая история США XVII-XX вв. - М.: Весь мир, 2001.-375 с.
46. Тойнби Арнольд. «Цивилизация перед судом истории. Мир и запад», Изд-во «АСТ», М., 2009. -301 с.
47. Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. - М.: Логос, 2000. - 271 с.
48. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М.: Алгоритм, 2001. - 477 с.
49. Уткин А.И. Американская империя. М.: Эксмо, 2003. - 736 с.
50. Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США». М.: РУДН, 2010.-212 с.
51. Филимонов Г.Ю. Мультикультурализм США и Европы: политтехнологии в действии // Политика и общество. - 2012 - № 2. - С. 62-71
52. Филимонов Г.Ю., Цатурян С.А. США на страже безопасности ЕС: глобальное соуправление как необходимость // Образование. Наука. Научные кадры. - 2012 - № 2. - С. 200-207
53. Филимонов Г.Ю., Цатурян С.А. «Мягкая сила» как форма не прямой аппликации национального интереса // Вестник РУДН. Международные отношения. - 2012 - № 2. - С. 21-30

54. Филимонов Г.Ю., Цатурян С.А. Социальные сети как инновационный механизм «мягкого» воздействия и управления массовым сознанием // Политика и общество - 2012 - № 1. - С.65-75
55. Фукуяма Фрэнсис «Конец истории и последний человек», Изд-во АСТ. М., 2009
56. Brzezinski Z. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. -N.Y.: The Basic Books, 1998. p. 305.
57. <http://canvasopedia.org/about-us/> (дата обращения: 27.03.2016).
58. Jacobs S. Gene Sharp, The 83 Year Old Who Toppled Egypt. P. 23
59. Marshall A. Crisis is an Opportunity: Engineering a Global Depression to Create a Global Government // Global Research, October 26, 2010 URL: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=21632>(дата обращения: 27.03.2016).
60. Mattem J .B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies. 2005. - Vol.33. - № 3. P.12
61. Mattson K. Did punk matter?: Analysing the practices of a youth subculture during the 1980s // American studies, Vol. 42, № 1, Lawrence, 2001. - P.69-97
62. Nolan M. Visions of Modernity: American Business and the Modernization of Germany. - New York, 1994. P. 12
63. Nye S. J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. - New York, 1990 p. 45-47
64. Nye S.J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. - 192 p.
65. Nye J. Understanding International Conflicts. An Introduction to Theory and History. - Harvard University, 2007. P. 3-11
66. Nye J. The Powers to Lead. - Oxford, 2008 p. 4-14
67. Osgood K. Total Cold War: Eisenhower's Secret Propaganda Battle at Home and Abroad. University Press of Kansas. 2006 p. 5-10

68. Rodham Clinton H. "Security and Opportunity for the Twenty-first Century" // Foreign Affairs, N.-Y., 2007. - Vol. 86, N 6. - November/December p. 4-12

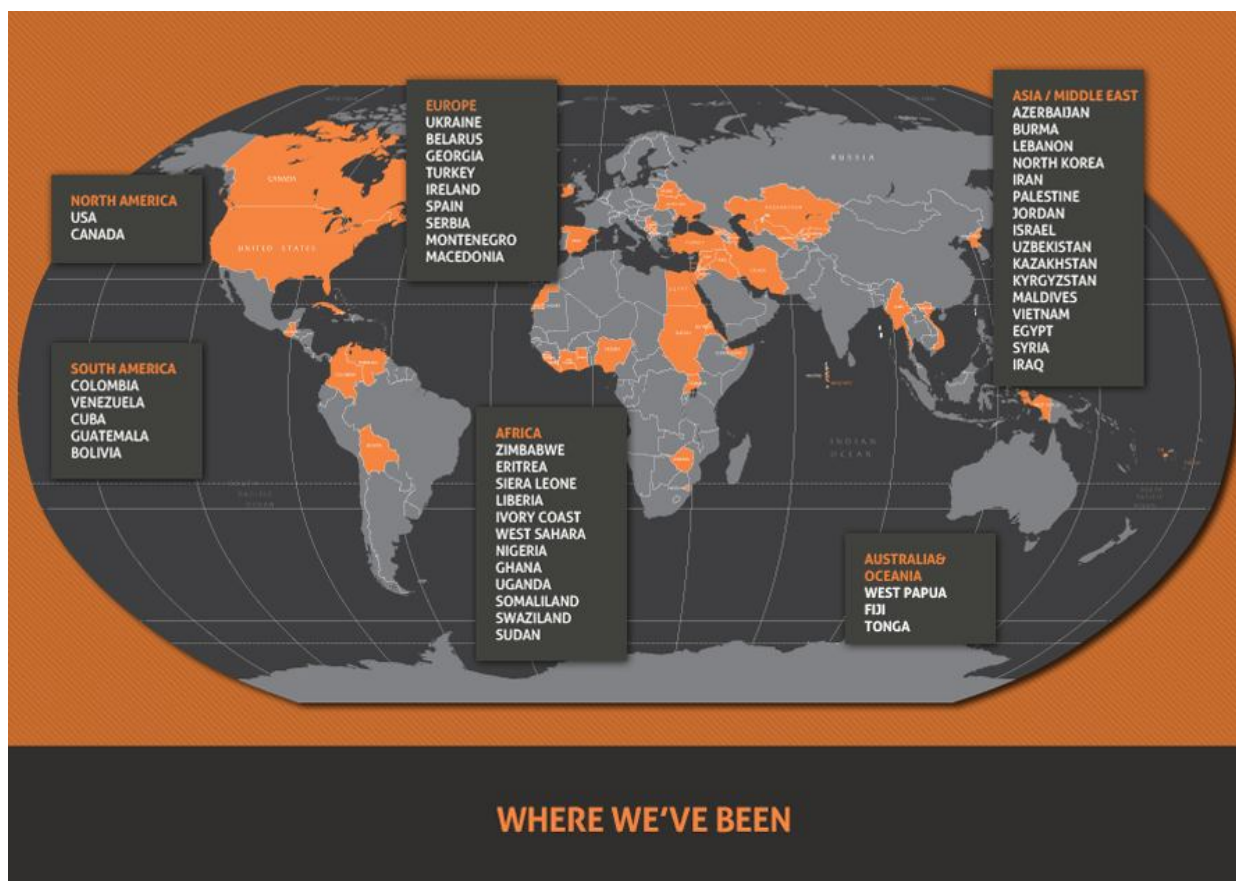
Приложения

Приложение 1

Действия администрации президента США, входящие в понятие концепции «мягкой силы», прогнозируемые на период 2016-2020 г.г.

Кандидат	Экономика	Социальная сфера	Безопасность	Внешняя политика
Дональд Трамп	«Возвращение американского бизнеса из-за границы» - сокращение американских производств в Индии и Китае	Легализация легких наркотиков в США	Повторное применение экономических санкций к Ирану	Расторжение договора о транстихоокеанском партнёрстве (ТТП) заключённого 5 октября 2015
	Меры протекционистского характера - ввод пошлин на товары из Китая, субсидирование национального производства	Лоббирование и расширение прав ЛГТБ сообщества	Разработка «всеобъемлющей стратегии противодействия терроризму»	Повышение роли транснациональных корпораций на мировом уровне
Хилари Клинтон	Экономическое сближение с Францией, Германией, Великобританией	Включение международных программ помощи по правам женщин в двусторонние отношения со странами-партнерами	Разработка и продвижение программы сокращения ядерного арсенала	Создание «энергетической восьмерки» («Э-8») из стран, выбрасывающих в атмосферу больше всего углекислоты.
	Увеличение бюджета на образование и финансирование международных образовательных программ	Вовлечение Индии, Китая, Японии, Австралии в программу предотвращения глобальному потеплению	Создание и продвижение договора о запрещении ядерных испытаний	Создание «международного банка ядерного топлива»

Официальные данные интернет – ресурса Центра прикладных ненасильственных
акций и стратегий «Канвас» (CANVAS).
Регионы и страны присутствия.

Официальные данные интернет – ресурса Центра прикладных ненасильственных
акций и стратегий «Канвас» (CANVAS).
Успешно осуществленные операции.

